

поэтический парнас

Поэты серебряного века

РИПОЛ КЛАССИК

Сборник
Анатолий Николаевич Филиппов
Поэты Серебряного века
Серия «Поэтический Парнас»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68053856
Поэты серебряного века / [сост. А. Филиппов].: РИПОЛ классик;
Москва; 2021
ISBN 978-5-386-14365-7

Аннотация

Серебряный век – уникальное явление в духовной жизни России, культурный феномен конца XIX – начала XX века, великая эпоха, в которую сформировались как поэты А. Блок, Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, М. Цветаева, С. Есенин, В. Маяковский, В. Хлебников и многие другие выдающиеся мастера поэтического слова.

Предлагаемая вашему вниманию антология представляет наиболее яркие и значительные произведения двадцати четырех русских поэтов Серебряного века – символистов, акмеистов, футуристов, а также авторов, не связанных с каким-либо определенным поэтическим направлением русского модернизма.

Содержание

Голоса Серебряного века	13
Иннокентий Анненский	30
Поэзия	30
У гроба	32
Двойник	33
Утро	35
Свечка гаснет	36
Который?	37
Листы	39
В дороге	40
Лира часов	42
Невозможно	43
То и Это	45
Тринадцать строк	46
Тоска медленных капель	47
Ego[1]	48
Миражи	49
Дымы	50
Сон и нет	51
Петербург	52
Среди миров	54
Анна Ахматова	55
«И когда друг друга проклинали...»	55

«Сжала руки под темной вуалью...»	57
«Высоко в небе облачко серело...»	58
Любовь	59
В Царском селе	60
Песня последней встречи	62
«Я сошла с ума, о мальчик странный...»	63
«Муж хлестал меня узорчатым...»	64
«Три раза пытаться приходила...»	65
«Я научилась просто, мудро жить...»	66
«Протертый коврик под иконой...»	67
Венеция	68
«Каждый день по-новому тревожен...»	69
«Вижу выцветший флаг над таможей...»	70
«Вечерние часы перед столом...»	71
Вечером	72
«Все мы бражники здесь, блудницы...»	73
«Настоящую нежность не спутаешь...»	74
Гость	75
«Нам свежесть слов и чувства простоту...»	77
Молитва	78
«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»	79
«А, ты думал – я тоже такая...»	80
«Всё расхищено, предано, продано...»	81
«Не бывать тебе в живых...»	82
Константин Бальмонт	83
Чёлн томленья	83

«Я мечтою ловил уходящие тени...»	85
«Мы шли в золотистом тумане...»	87
Ветер	89
Равнина	90
Прощание	91
Безглагольность	93
Отпадения	95
«Я – изысканность русской медлительной речи...»	96
Я не знаю мудрости	97
«Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...»	98
«Будем как солнце! Забудем о том...»	100
«Я ласкал ее долго, ласкал до утра...»	101
«Она отдалась без упрека...»	102
Хочу	103
«Я ненавижу человечество...»	104
Бог и дьявол	105
Красота	106
Ночной дождь	107
Андрей Белый	109
Жертва вечерняя	109
Солнце	111
Последнее свидание	112
Воспоминание	113
Шоссе	115
Изгнанник	117

Отпевание	119
Утро	121
Друзьям	122
Обет	124
Отчаянье	126
Русь	128
Родина	130
На рельсах	132
Тела	134
Родине	135
«Я»	137
У т р о	139
Младенцу	141
«Июльский день: сверкает строго...»	142
Александр Блок	143
«Небесное умом не измеримо...»	143
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»	145
«Его встречали повсюду...»	147
«Дома растут, как желанья...»	148
«Полюби эту вечность болот...»	149
«Девушка пела в церковном хоре...»	150
Перстень – страданье	151
Друзьям	153
На островах	155
«Не спят, не помнят, не торгуют...»	157
Поэты	158

Сусальный ангел	160
«В неуверенном, зыбком полете...»	162
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..»	163
Унижение	165
«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...»	167
«Рожденные в года глухие...»	168
Пушкинскому дому	169
Константин Большаков	171
Несколько слов к моей памяти	171
Посвящение	173
«Милостивые Государи, сердце разрежьте...»	174
Осень годов	176
Автопортрет	178
Полночь	179
Молитва любимой	180
Осень	181
Романтический вечер	182
И еще	183
Валериан Бородаевский	185
«Над пустынными полями видится...»	185
Скиты	187
«Вкруг колокольни обомшелой...»	189
«Я пью мой долгий день, лазурный и прохладный...»	190

«Я не сменю на вас, возвышенные грезы...»	191
Падающая башня	192
Ковыль	193
Тучи	194
«Порвался мертвый полог забытья...»	196
Казанская	198
Эпилог	199
Валерий Брюсов	200
«В тиши задремавшего парка...»	200
Мечты о померкшем	202
В прошлом	203
Первый снег	204
«Свиваются бледные тени...»	205
Творчество	206
Ночью	208
В будущем	209
Подруги	210
«Как царство белого снега...»	211
Юному поэту	212
«Есть что-то позорное в мощи природы...»	213
Женщине	214
«Огни «электрических конок»...»	215
«Словно нездешние тени...»	216
Каждый миг	217
Работа	219
Каменщик	221

Кинжал	222
«Костра расторгнутая сила...»	224
Грядущие гунны	225
Лик медузы	227
В склепе	229
Поэту	231
Демон самоубийства	233
«Три женщины – белая, черная, алая...»	235
Три кумира	237
«Парки бабье лепетанье...»	239
Только русский	241
Иван Бунин	243
«Ту звезду, что качалась в темной воде...»	243
В поезде	245
«Могилы, ветряки, дороги и курганы...»	247
«Что в том, что где-то, на далеком...»	248
«Беру твою руку и долго смотрю на нее...»	249
«Я к ней вошел в полночный час...»	250
На распутье	251
«Любил он ночи темные в шатре...»	253
Смерть	255
«Перед закатом набежало...»	256
Портрет	257
Мороз	258
«Густой зеленый ельник у дороги...»	259
Каменная баба	260

Песня	261
Купальщица	262
Новый храм	263
Ночные цикады	264
Зимняя вилла	265
Памяти	266
Поэтесса	267
Цирцея	268
Кобылица	269
«Настанет день – исчезну я...»	270
Рабыня	271
Москва 1919 года	272
Канарейка	273
Николай Бурлюк	274
«Осталось мне отнять у Бога...»	274
«Неотходящий и несмелый...»	276
Бабочки в колодце	277
«Ко мне вот-вот вдруг прикоснутся...»	278
Ночная смерть	279
«В ущелье уличного дыма...»	280
Конец ознакомительного фрагмента.	281

Поэты серебряного века

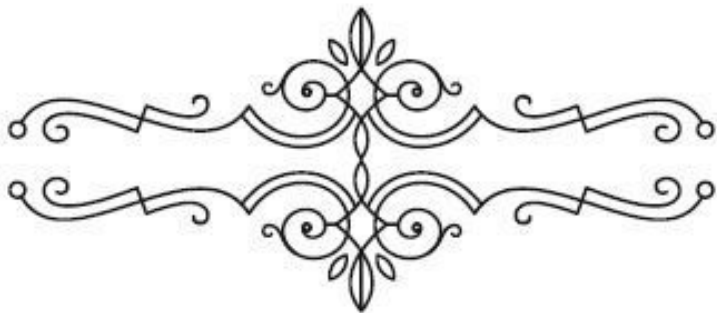
Составитель А. Филиппов

РИПОЛ
КЛАССИК

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Голоса Серебряного века

Литературная эпоха, охватывающая в ее самой ключевой части 25–30 лет в конце XIX – начале XX века, получила название «Серебряный век», по аналогии и в продолжение пушкинского «Золотого века» русской поэзии.

Впервые это определение появилось в 1933 году в русском журнале «Числа», выходившем в Париже. Поэт и критик Николай Оцуп напечатал в нем одноименную статью. Поэзию Серебряного века он характеризовал так: «По силе и энергии, а также по обилию удивительных созданий почти не имеет аналогии на Западе». А искусствовед и поэт, редактор знаменитого журнала «Аполлон» Сергей Маковский свою итоговую книгу статей и воспоминаний назвал «На Парнасе».

“Серебряного века”».

Некоторые дотошные литературоведы могут возразить: в русском литературном обиходе конца XIX века серебряным веком называли период творчества Фета, Некрасова, Майкова, Полонского.

Да, духовные богатства России поистине неисчерпаемы. В любой другой литературе вышеназванные поэты составили бы национальную гордость. У нас же, пожалуй, трудно найти в истории культуры время, когда не проявлялись бы ярко самые разные таланты: в поэзии, прозе, живописи, театральном искусстве.

Иногда, как сегодня, кажется, что уже исчерпаны все силы, все таланты, все вдохновения. Пришедшийся на это же время финансово-экономический кризис, казалось бы, рушит все надежды на возрождение культуры.

Ан, нет... Словно былинный богатырь, коллективный гений народа рождает новые, неведомые доселе таланты, дает жизнь новым, ярким направлениям.

Время зарождения Серебряного века удивительным образом напоминает современную общественно-политическую и экономическую ситуацию.

После освобождения крестьян в 1861 году, вызвавшего рост промышленного производства, быстрое развитие капитализма, подъем разночинного движения, наступил не только очередной экономический кризис, но и кризис идейно-ху-

дожественный.

В начале 90-х годов XIX века в прозе, казалось бы, были исчерпаны художественные возможности социального бытописания, а поэзия и вовсе пришла в глубочайший упадок, что можно наблюдать после кончины Некрасова, в лирике Семена Надсона, умершего молодым.

26 октября 1892 года в Петербурге на заседании Русского литературного общества молодой, но уже известный писатель Дмитрий Мережковский читает лекцию «О новых течениях современной русской литературы». А уже в начале следующего года на материалах этих лекций он издает книгу под красноречивым названием «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», которая становится своеобразным манифестом Серебряного века.

Удивительно, но поэты этой замечательной, великой литературной эпохи настолько крупны, самобытны, что любые объявленные ими самими группы или направления оказываются условными и схематичными. Они попросту не уместятся в узкие рамки исследований и течений.

Мы намеренно не останавливаемся на судьбах и творчестве широко известных поэтов Серебряного века. Цель нашего предисловия – дать более полное представление о разнообразии поэзии той поры.

В бурную эпоху смены столетий, смены веков, смены общественных формаций – почти одновременно жили и творили такие яркие поэты и личности, как Александр Блок, Влади-

мир Маяковский, Андрей Белый, Владислав Ходасевич, Марина Цветаева, Анна Ахматова; список иногда кажется бесконечным, и все имена до сих пор на слуху просвещенного читателя.

Поэтика Серебряного века – это, прежде всего, поэтика русского модернизма. Так принято называть три поэтических направления, заявивших о себе в конце XIX – начале XX века: символизм, акмеизм, футуризм.

В каждом таком направлении, как это обычно бывает, выделялось небольшое ядро мастеров, задававших тон, а вокруг них теснились фигуры помельче, разрабатывавшие и развивавшие достижения лидеров, создававшие некий поэтический фон, а также авторы, улавливавшие отдельные черты этих направлений и сочетавшие их с другими течениями.

Следует особо подчеркнуть, что этот мощный поток русской поэзии возник на прочном фундаменте таких великих поэтов, как Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Баратынский, Тютчев, Фет.

Конец XIX – начало XX века в России – это время предощущения перемен, время разочарований и неизвестности. Именно в связи с этими чувствами возник символизм – достаточно условное и крайне неоднородное течение.

Рядом с великой реалистической традицией в это время существовал декаданс (от французского «упадок»). Символисты долго не желали называть себя декадентами, поскольку критики тогда вкладывали в этот термин отрицательный

СМЫСЛ.

Краеугольный камень направления – *символ*, заменивший собой *образ*. Любимым афоризмом символистов была цитата из Федора Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь».

Один из столпов и идеологов символизма Дмитрий Мережковский писал: «В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами. Символизм делает самый стиль, самое художественное вещество поэзии одухотворенным, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой лампы, в которой зажжено пламя». В 1892 году в Петербурге вышел сборник стихов Дмитрия Мережковского «Символы», давший имя зарождающемуся направлению русской поэзии.

Константин Бальмонт так обозначил идеал декадентского искусства:

«Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество —
Моя пустынная душа».

Начало XX века ознаменовалось возникновением новой волны символизма, обозначенной такими именами, как Иннокентий Анненский, Андрей Белый, Александр Блок, Вяч. Иванов, Эллис, Сергей Соловьев.

Сейчас мало кто помнит, что лауреат Нобелевской пре-

мии, великий русский писатель Иван Бунин блестяще начал литературную деятельность сборником стихов «Листопад», который издало в Москве в 1901 году символистское издательство «Скорпион». Он был восторженно принят критикой, отмечен Пушкинской премией Академии наук.

Символизм не был целостным направлением. Андрей Белый писал, что ему казалось, что Мережковский и Брюсов тянут его за руки в разные стороны. Мережковский, в свою очередь, предупреждал Белого: «...бойся Валерия Брюсова и всей пошлятины духа его»; Брюсов же, вспоминал Белый в «Начале века», откровенно глумился над «жалкостями беспринципных “пророков”», то есть над Мережковским и Гиппиус. Далее Белый, подводя итог спорам, отмечал, что Мережковский «пугался меня в девятьсот уже пятом», а Брюсов «стал не на словах, а на деле действительно левым».

В конце первого десятилетия XX века Александр Блок писал: «Словами “декадентство”, “символизм” и т. д. было принято (а пожалуй, принято и до сих пор) соединять людей, крайне различных между собою... Самое время показало с достаточной очевидностью, что многие школьные и направленческие цепи, казавшиеся ночью верными и крепкими, оказались при свете утра только тоненькими цепочками, на которых можно и следует держать щенков, но смешно держать взрослого пса».

К этому времени символизм внутренне исчерпал себя как более-менее целостное течение, оставив, однако, глубокий

след в самых различных сферах русской культуры.

К 10-м годам XX века в общественно-литературной жизни произошли существенные сдвиги. Кроме последовательных реалистов, всегда рассматривавших символистов как декадентов, как своих противников, в атаку на символизм двинулись акмеисты и футуристы.

Акмеизм – производное от «акме» – цвет, цветущая пора, высшая степень. Они называли еще себя «адамистами», связывая это с библейским Адамом, с представлениями о его ясном, твердом и непосредственном взгляде на жизнь.

Акмеисты декларировали внимание к миру человека, физиологичность, внимание к жизни во всей ее полноте, с радостями и пороками, обещая найти для выражения всего этого «достойные одежды безупречных форм».

Последнее вроде бы отсылает нас к пушкинскому гармоничному началу, хотя критики в свое время отмечали, что в акмеистских стихах больше отдано глазу, чем слуху. Возводя в культ любование вещами, акмеисты возвестили, что к работе приступил Цех поэтов. Их трибуной стал журнал «Аполлон».

Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Игорь Северянин, а также Сергей Городецкий, Михаил Зенкевич, Владимир Нарбут возглавили это течение. Акмеисты проводили свою генеалогию от символиста Иннокентия Анненского, который, между прочим, стоял особняком даже в своем течении.

Среди акмеистов был развит культ Теофила Готье, а его стихотворение «Искусство», начинающееся словами: «Искусство тем прекрасней, чем взятый материал бесстрастней», звучало для них своего рода программой действий.

«И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово – это Бог», —

писал Николай Гумилев, а Осип Мандельштам строил на понятии божественного слова, Логоса, все основание своей поэтики.

Николай Гумилев был наиболее последовательным акмеистом. Он смело ввел в русскую поэзию всевозможные африканские и восточные мотивы. Его стих отличался энергией и в то же время легкостью и живописностью. Культ сильной личности был в стихах Гумилева модной данью ниществу.

Анна Ахматова буквально с первых шагов на поэтическом поприще обратила на себя внимание яркой своеобразием. Лаконичный и точный почерк автора «Четок» был близок широко распространившейся тогда графике. Даже знаменитый ее портрет, созданный в этой технике Амедео Модильяни, подчеркивает ту эстетику, что исповедовали акмеисты.

В самом начале 1912 года Гумилев и Городецкий на разных заседаниях произносят формулы, отделяющие их

от символизма. Практически одновременно с этим выходят «Скрижали» совершенно безвестной «Академии Эго-Поэзии», где в подзаголовке значилось: «Вселенский футуризм», которые подписывают Игорь-Северянин (именно так, через дефис; только впоследствии псевдоним был осмыслен как сочетание имени и фамилии), К. Олимпов, Г. Иванов и Грааль-Арельский.

В конце того же года, в декабре, в Москве выходит альманах с характерным названием «Пощечина общественному вкусу», по-настоящему означавший рождение русского футуризма.

Некоторое критики не без оснований сравнивали футуристов с декадентами 1890-х годов (вот как все «заколосьцевалось»!), отмечая общность их поэтических мотивов. И те, и другие обожали шокировать публику, порой создавая себе негативный имидж.

Давид Бурлюк, например:

«Поэзия – истрепанная девка,
а красота бесчувственная дрянь».

Бурлюк был не только скандальным поэтом, но и вызывающим художником, и героем футуристических выступлений-выходок. И что интересно: будучи не самым видным поэтом, он сумел оставить заметный след в русской поэзии. Одних сравнений заката сколько: закат – маляр, закат – про-

хвост, закат – палач!

Начинал Бурлюк как художник. Участвовал в выставке «Бубновый валет» (декабрь 1910 – январь 1911 гг.). В 1910 году дебютировал в качестве поэта в двух альманахах, появившихся в начале русского футуризма, – «Студия импрессионизма» и «Садок судей».

Именно Бурлюк открыл для себя и для всех Маяковского-поэта. Маяковский отмечал: «Бурлюк сделал меня поэтом».

В 1920 году Давид Бурлюк уехал в Японию, а в сентябре 1922 года – в США, ставшие постоянным местом его жительства.

Младший брат Давида Бурлюка Николай принимал участие практически во всех футуристических изданиях, но персонального поэтического сборника так и не выпустил. В то же время эстетическая умеренность, отсутствие в его творчестве ярко выраженного футуристического экспериментаторства позволили Корнею Чуковскому назвать Николая Бурлюка «посторонним» среди будетлян (так именовали себя футуристы).

Судьба его, в отличие от старшего брата, туманна. Николай участвовал в Гражданской войне на стороне белых и, вероятно, погиб.

Бенедикт Лившиц – друг и соратник братьев Бурлюков по футуризму. Его стихи того периода составили книгу «Волчье солнце», вышедшую в 1914 году в Херсоне. Известны также

его мемуары «Полутораглазый стрелец», вышедшие в 1933 году и дающие обширный материал по истории русского футуризма. Известен он и как переводчик. В 1937 году Лившиц был арестован, а год спустя – расстрелян.

Как и многие кубо-футуристы, Елена Гуро совмещала занятия живописью и литературой. Но, в отличие от громких имен соратников, она не привлекла внимания массовой аудитории. И причина этого не в болезни (белокровии) и ранней смерти, а, скорее, в своеобразии ее поэзии, прозы и живописи.

События литературной жизни Серебряного века наглядно иллюстрируют достаточно условное деление на «измы» прекрасных русских поэтов, объединенных идеей обновления современной поэзии.

Необходимо отметить, что до революционного 1917 года сформировался не только акмеизм, кубо-футуризм и несколько групп футуристической ориентации, имевших значение в зависимости от талантов тех, кто с ними был связан.

По масштабу своей деятельности, например, «Центрифуга» (1914–1922) была далеко не самым значительным литературным объединением, но имена участвовавших в нем Бориса Пастернака и Николая Асеева делают ее издания поистине бесценными.

Оставались в те годы вне групп и течений такие замечательные поэты, как Михаил Кузмин, Владислав Ходасевич,

Марина Цветаева. «Новокрестьянских поэтов» вроде Сергея Есенина, Николая Клюева и Сергея Клычкова, примыкавших в ранние годы к имажинистам, тоже трудно представить себе в узких рамках литературных течений.

Общим для всех них являются попытки найти новые приемы, новые образы, которые не уступали бы по силе поэтам Золотого века, а в чем-то превосходили их. Не зря же Владимир Маяковский в молодые футуристические годы призывал «сбросить Пушкина с парохода современности». Своего рода «эдипов комплекс».

Футуристы изобретали новые, неведомые слова.

«Дыр, бул, щыл», —

писал Алексей Крученых.

«Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры», —

вторил ему «председатель земного шара» Велимир Хлебников.

Футуристам, этим «Гениальным Детям Современности», грезились фантастические картины. Игорь Северянин ехал «из Москвы в Нагасаки, из Нью-Йорка на Марс», Василий Каменский, пролетая над Варшавой, ощущал себя «одиноким Колумбом».

К судьбоносному, страшному, переломному рубежу 1917

года враждующие между собой, такие разные, несхожие модернисты пришли в кризисном состоянии. Они оказались во многом не подготовленными к тектоническим сдвигам в стране и в мире.

«Безъязыкая улица» подхватила стихи-агитки Демьяна Бедного, запела революционные песни, стала превозносить так называемых «пролетарских поэтов».

Александр Блок небезуспешно пытался прорваться в этот новый, неведомый мир со своими «Двенадцатую». Но, попытавшись воспроизвести «музыку революции», великий поэт умер, что оказалось вполне символичным.

Две войны и две революции перевернули всю русскую жизнь вверх дном. Менялась страна, менялись поэты, их судьбы. В начале 20-х годов ушли из жизни Блок, Гумилев, Хлебников; русская литература раскололась на «советскую» и «зарубежную», эмигрантскую.

Вполне в духе времени порой трагичны и загадочны судьбы многих русских поэтов, оказавшихся в эмиграции.

Аминад Петрович Шполянский (Дон Аминадо), получив в юности юридическое образование, занялся любимой литературной работой, писал в знаменитом «Сатириконе», который принес ему широкую известность. В январе 1920 года на «корабле-призраке» он покинул Россию и поселился в Париже. Популярность его была необыкновенной. Русские эмигранты вырезали его стихи из газет, цитировали наизусть. Бунин писал о нем как об одном из самых выдающихся рус-

ских юмористов.

Вячеслав Иванов в двадцатилетнем возрасте в 1886 году поступил в Берлинский университет, увлекался мистикой, творчеством Ницше, Достоевского. До 1905 года он жил за границей – в Германии, Франции, Англии, Италии. Вернувшись на родину, поселился в Петербурге, в «башне» на Та-врической улице, которая стала местом сбора одного из самых ярких литературно-общественных салонов того времени. В 1924 году Вяч. Иванов покинул Россию, работал в итальянском университете, скончался в 1949 году в Риме.

Его однофамилец – Георгий Иванов по рекомендации Гумилева был принят в Цех поэтов. Осенью 1922 года Иванов уехал на Запад. Перед отъездом он успел выпустить под своей редакцией «Посмертные стихи» Гумилева. В эмиграции он провел 36 долгих лет. Умер в 1958 году во Франции.

Поэт, переводчик, мемуарист, историк литературы, критик, эссеист – таланты Владислава Ходасевича многообразны, достижения – несомненны. Юношей он посещал знаменитый Литературно-художественный кружок, увлекался поэзией Бальмонта и Брюсова, познакомился с Андреем Белым. В годы Гражданской войны поэт работал в театрально-музыкальной секции Моссовета, вел занятия в Пролеткульте, открыл книжную лавку писателей, заведовал Книжной палатой. В 1920 году вышел его сборник «Путем зерна», одно из крупнейших поэтических достижений всего XX века. Вместе с Ниной Берберовой в 1922 году Ходасевич

уехал в Берлин, где вместе с Максимом Горьким редактировал журнал «Беседа». В 1939 году умер в Париже.

В блестящей плеяде русских поэтов-эмигрантов Арсений Несмелов – один из немногих поэтов «русского Китая», чье творчество было относительно известно европейской эмиграции первой волны – по публикациям в пражских и парижских изданиях. А вот русские эмигранты в Китае его стихи хорошо знали и любили. Здесь у него была репутация первого поэта среди русских. За границу он попал вместе с отступавшей армией Колчака. Конец поэта трагичен. Схваченный в Харбине в августе 1945 года, он был доставлен в товарном вагоне «домой» и осенью 1945 года скончался в мучениях в камере пересыльной тюрьме под Владивостоком.

Совсем по-другому сложилась жизнь Николая Оцуца. Сын придворного фотографа, он родился в 1894 году в Царском Селе. В 1918 году познакомился с Гумилевым. В 1922 году эмигрировал, вначале в Берлин, а потом – в Париж. В начале Второй мировой войны был арестован за антифашистские убеждения, отправлен в концлагерь, бежал, вступил в итальянское Сопротивление. После войны защитил в Сорбонне докторскую диссертацию о Гумилеве. Умер в 1958 году.

Одна из отличительных черт эпохи Серебряного века – появление большого числа женщин-поэтесс. Хотя Марина Цветаева подчеркнуто именовала себя поэтом. Она наряду с Анной Ахматовой, классиком русской поэзии XX века,

признана крупнейшей – все же – поэтессой. Обоих роднили драматические, даже трагические судьбы. В советское время Ахматова неоднократно подвергалась гонениям, многие ее произведения годами не печатались. Цветаева с 1922 года была в изгнании, закончившемся возвращением в СССР и самоубийством.

Мирра Лохвицкая дважды была удостоена Пушкинской премии – высшей литературной награды Императорской Академии наук.

Зинаида Гиппиус, вместе с мужем – Дмитрием Мережковским, в дооктябрьское время была в числе ведущих мастеров русской литературы. После октябрьского переворота 1917 года супруги покинули Россию.

Нельзя не сказать и о такой экстравагантной фигуре Серебряного века, как Михаил Кузмин. Он оставил разнообразное по жанрам и стилю наследие. Его, как бы сейчас сказали, нетрадиционная ориентация также сказалась на его творчестве, предвосхитив многие вполне современные мотивы.

Таких разных, диаметрально противоположных поэтов объединил Серебряный век.

Сергей Есенин – классик русской литературы XX века, оказавший огромное влияние на развитие лирической поэзии, вплоть до шансона, бардовской песни.

Саша Чёрный (Александр Михайлович Гликберг), крупнейший русский поэт-сатирик XX века, постоянный автор

еженедельника «Сатирикон», тоже оказавший влияние на современную поэзию в лице, например, Игоря Иртеньева.

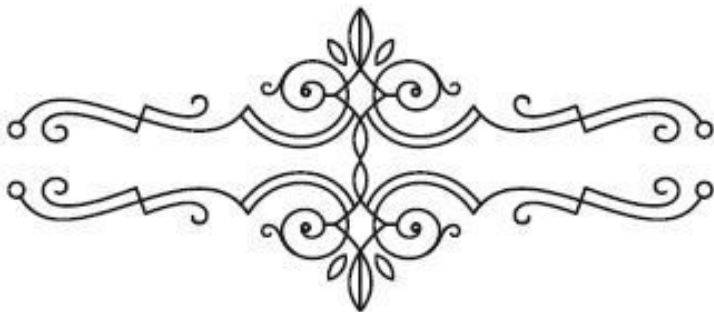
Конечно, с началом 1920-х годов Серебряный век не закончился. Он продолжился в творчестве Сологуба, Белого, Волошина, Ахматовой, Маяковского, Пастернака, в эмиграции – Бунина, Вяч. Иванова и Г. Иванова, Адамовича, Цветаевой, Ходасевича – список, кажется, бесконечен.

Но сама эпоха пошла на убыль. Перестало существовать ощущение свободы, безграничности развития.

Произведения поэтов Серебряного века оставили неизгладимый след в истории русской литературы, послужили фундаментом, а зачастую и непревзойденными образцами для современной русской поэзии.

Юрий КИРИЛЕНКО

Иннокентий Анненский

Поэзия

Над высью пламенной Синая
Любить туман Ее лучей,
Молиться Ей, Ее не зная,
Тем безнадежно горячей,

Но из лазури фимиама,
От лилий праздного венца,
Бежать... презрев гордыню храма
И славословие жреца,

Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаяньи святынь,
Искать следов Ее сандалий
Между заносами пустынь.

1904

У гроба

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый:
На консультации вчера здесь Смерть была
И дверь после себя оставила открытой.
Давно с календаря не обрывались дни,
Но тикают еще часы его с комода,
А из угла глядит, свидетель агоний,
С рожком для синих губ подушка кислорода.
В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?

1904

Двойник

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит еще спор,
Но, слиты незримой четою,
Одной мы живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний.
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...

И в мутном круженье годин
Все чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?

Утро

Эта ночь бесконечна была,
Я не смел, я боялся уснуть:
Два мучительно-черных крыла
Тяжело мне ложились на грудь.

На призывы ж тех крыльев в ответ
Трепетал, замирая, птенец,
И не знал я, придет ли рассвет
Или это уж полный конец...

О, смелее... Кошмар позади,
Его страшное царство прошло;
Вещих птиц на груди и в груди
Отшумело до завтра крыло...

Облака еще плачут, гудя,
Но светлеет и нехотя тень,
И банальный, за сетью дождя,
Улыбнуться попробовал День.

Свечка гаснет

В темном пламени свечи,
Зароившись как живые,
Мигом гибнут огневые
Брызги в трепетной ночи,
Но с мольбою голубые
Долго теплятся лучи
В темном пламени свечи.
Эх, заснуть бы спозаранья,
Да страшат набеги сна,
Как безумного желанья
Тихий берег умиранья
Захлестнувшая волна.
Свечка гаснет. Ночь душна...
Эх, заснуть бы спозаранья...

1904

Который?

Когда на бессонное ложе
Рассыплются бреда цветы,
Какая отвага, о боже,
Какие победы мечты!..

Откинув докучную маску,
Не чувствуя уз бытия,
В какую волшебную сказку
Вольется свободное я!

Там всё, что на сердце годами
Пугливо таил я от всех,
Рассыплется ярко звездами,
Прорвется, как дерзостный смех...

Там в дымных топазах запястий
Так тихо мне Ночь говорит;
Нездешней мучительной страсти
Огнем она черным горит...

Но я... безучастен пред нею
И нем, и недвижим лежу...

.....

На сердце ее я, бледнея,
За розовой раной слежу,

За розовой раной тумана,
И пьяный от призраков взор
Читает там дерзость обмана
И сдавшейся мысли позор.

.....

О царь Недоступного Света,
Отец моего бытия,
Открой же хоть сердцу поэта,
Которое создал ты я.

1904

Листы

На белом небе всё тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Всё то же наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее я?

1904

В дороге

Перестал холодный дождь,
Сизый пар по небу вьется,
Но на пятна нив и рош
Точно блеск молочный льется.

В этом чаяньи утра
И предчувствии мороза
Как у черного костра
Мертвы линии обоза!

Жеребятчий дробный бег,
Пробы первых свистов птичьих,
И кошмары снов мужичьих
Под рогожами телег.

Тошно сердцу моему
От одних намеков шума:
Всё бы молча в полутьму
Уводила думу дума.

Не сошла и тень с земли,
Уж в дыму овины тонут,
И с бадьями журавли,
Выпрямляясь, тихо стонут.

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть.

1904

Ли́ра часов

Часы не свершили урока,
А маятник точно уснул,
Тогда распахнул я широко
Футляр их – и лиру качнул.

И, грубо лишенная мира,
Которого столько ждала,
Опять по тюрьме своей лира,
Дрожа и шатаясь, пошла.
Но вот уже ходит ровнее,
Вот найден и прежний размах.

.....

О сердце! Когда, леденея,
Ты смертный почувствуешь страх,

Найдется ль рука, чтобы лиру
В тебе так же тихо качнуть,

И миру, желанному миру,
Тебя, мое сердце, вернуть?..

Царское Село. 7 января 1907

Невозможно

Есть слова – их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревожно,
Но меж них ни печальнее нет,
Ни нежнее тебя, невозможно.

Не познав, я в тебе уж любил
Эти в бархат ушедшие звуки:
Мне являлись мерцанья могил
И сквозь сумрак белевшие руки.

Но лишь в белом венце хризантем,
Перед первой угрозой забвенья,
Этих вэ, этих зэ, этих эм
Различить я сумел дуновенья.

И, запомнив, невестой в саду
Как в апреле тебя разубрали, —
У забитой калитки я жду,
Позвонить к сторожам не пора ли.

Если слово за словом, что цвет,
Упадает, белея тревожно,
Не печальных меж павшими нет,
Но люблю я одно – невозможно.

Царское Село. 1907

То и Это

Ночь не тает. Ночь как камень.
Плача тает только лед,
И струит по телу пламень
Свой причудливый полет.

Но лопочут даром, тая,
Ледышки на голове:
Не запомнить им, считая,
Что подушек только две.

И что надо лечь в угарный,
В голубой туман костра,
Если тошен луч фонарный
На скользоте топора.

Но отрадной до рассвета
Сердце дремой залито,
Всё простит им... если это
Только Это, а не То.

Тринадцать строк

Я хотел бы любить облака
На заре... Но мне горек их дым:
Так неволя тогда мне тяжка,
Так я помню, что был молодым.

Я любить бы их вечер хотел,
Когда, рдея, там гаснут лучи,
Но от жертвы их розовых тел
Только пепел мне снится в ночи.

Я люблю только ночь и цветы
В хрустале, где дробятся огни,
Потому что утехой мечты
В хрустале умирают они...
Потому что – цветы это ты.

Тоска медленных капель

О, капли в ночной тишине,
Дремотного духа трещотка,
Дрожа набухают оне
И падают мерно и четко.

В недвижно-бессонной ночи
Их лязга не ждать не могу я:
Фитиль одинокой свечи
Мигает и пышет тоскуя.

И мнится, я должен, таясь,
На странном присутствовать браке,
Поняв безнадежную связь
Двух тающих жизней во мраке.

Ego¹

Я – слабый сын больного поколения
И не пойду искать альпийских роз,
Ни ропот волн, ни рокот ранних гроз
Мне не дадут отрадного волнения.

Но милы мне на розовом стекле
Алмазные и плачущие горы,
Букеты роз увядших на столе
И пламени вечернего узоры.

Когда же сном объята голова,
Читаю грез я повесть небылую,
Сгоревших книг забытые слова
В туманном сне я трепетно целую.

¹ Я (лат.).

Миражи

То полудня пламень синий,
То рассвета пламень алый,
Я ль устал от четких линий,
Солнце ль самое устало —

Но чрез полог темнолистый
Я дождусь другого солнца
Цвета мальвы золотистой
Или розы и червонца.

Будет взорам так приятно
Утопать в сетях зеленых,
А потом на темных кленах
Зажигать цветные пятна.

Пусть миражного круженья
Через миг погаснут светы...
Пусть я — радость отраженья,
Но не то ль и вы, поэты?

ДЫМЫ

В белом поле был пепельный бал,
Тени были там нежно-желанны,
Упоительный танец сливал,
И клубил, и дымил их воланы.

Чередой, застилая мне даль,
Проносились плясуньи мятежной
И была вековая печаль
В нежном танце без музыки нежной.

А внизу содроганье и стук
Говорили, что ужас не прожит;
Громяхая цепями, Недуг
Там сковал бы воздушных – не может.

И была ль так постыла им степь,
Или мука капризно-желанна, —
То и дело железную цепь
Задевала оборка волана.

Сон и нет

Нагорев и трепеща,
Сон навеяла свеча...
В гулко-каменных твердых
Два мне грезились луча,
Два любимых, кротко-синих
Небо видевших луча
В гулко-каменных твердых.
Просыпаюсь. Ночь черна.
Бред то был или признание?
Пути жизни, чары сна
Иль безумного желанья
В тихий мир воспоминанья
Забежавшая волна?
Нет ответа. Ночь душна.

Петербург

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где вы и где мы,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

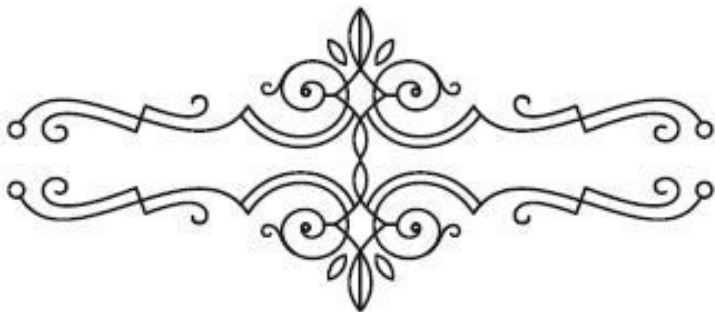
Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Царское Село. 3 апреля 1909

Анна Ахматова

«И когда друг друга проклинали...»

И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала,
И что память яростная мучит,
Пытка сильных огненный недуг!
И в ночи бездонной сердце учит
Спрашивать: о, где ушедший друг?
А когда, сквозь волны фимиама,
Хор гремит, ликуя и грозя,

Смотрят в душу строго и упрямо
Те же неизбежные глаза.

1909

«Сжала руки под темной вуалью...»

Сжала руки под темной вуалью...

«Отчего ты сегодня бледна?»

– Оттого, что я терпкой печалью

Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,

Искривился мучительно рот...

Я сбежала, перил не касаясь,

Я бежала за ним до ворот.

Задышавшись, я крикнула: «Шутка

Всё, что было. Уйдешь, я умру».

Улыбнулся спокойно и жутко

И сказал мне: «Не стой на ветру».

«Высо́ко в небе облачко серело...»

Высо́ко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

В пушистой муфте руки холодили.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О, как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой выюгой.
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой.

Любовь

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

1911

В Царском селе

I

По аллею проводят лошадок.
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задышалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

II

...А там мой мраморный двойник,

Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

III

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

Песня последней встречи

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

«Я сошла с ума, о мальчик странный...»

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острее веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

«Муж хлестал меня узорчатым...»

Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнем.
Для тебя в окошке створчатом
Я всю ночь сижу с огнем.

Рассветает. И над кузницей
Подымается дымок.
Ах, со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не мог.

Для тебя я долю хмурю,
Долю-муку приняла,
Или любишь белокурую,
Или рыжая мила?

Как мне скрыть вас, стоны звонкие!
В сердце темный, душный хмель,
А лучи ложатся тонкие
На несмятую постель.

«Три раза пытаться приходила...»

Три раза пытаться приходила.
Я с криком тоски просыпалась
И видела тонкие руки
И темный насмешливый рот.
«Ты с кем на заре целовалась,
Клялась, что погибнешь в разлуке,
И жгучую радость таила,
Рыдая у черных ворот?
Кого ты на смерть проводила,
Тот скоро, о, скоро умрет».
Был голос как крик ястребиный,
Но странно на чей-то похожий.
Все тело мое изгибалось,
Почувствовав смертную дрожь,
И плотная сеть паутины
Упала, окутала ложе...
О, ты не напрасно смеялась,
Моя непрошенная ложь!

«Я научилась просто, мудро жить...»

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

«Протертый коврик под иконой...»

Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.
От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.

И у окна белеют пальцы...
Твой профиль тонок и жесток.
Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.

А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.

Венеция

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Замечает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Сколько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

1912

«Каждый день по-новому тревожен...»

Каждый день по-новому тревожен.
Все сильнее запах спелой ржи.
Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.

Иволги кричат в широких кленах.
Их ничем до ночи не унять.
Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос веселых отгонять.

На дороге бубенец зазвякал —
Памятен нам этот легкий звук.
Я спою тебе, чтоб ты не плакал,
Песенку о вечере разлук.

«Вижу выцветший флаг над таможенной...»

Вижу выцветший флаг над таможенной
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.

Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

«Вечерние часы перед столом...»

Вечерние часы перед столом.
Непоправимо белая страница.
Мимоза пахнет Ниццей и теплом.
В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век.
Когда мое он имя произносит.

1913

Вечером

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Так не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым».

«Все мы бражники здесь, блудницы...»

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

«Настоящую нежность не спутаешь...»

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.

И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви,
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

1913

Гость

Всё как раньше: в окна столовой
Бьется мелкий метельный снег,
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.

Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».

Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».

И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца,
Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.

О, я знаю: его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

«Нам свежесть слов и чувства простоту...»

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу – зренье
Или актеру – голос и движение,
А женщине прекрасной – красоту?

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены – и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить.

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушие толпы.

1915

Молитва

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар, —
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

1915

«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лени или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

«А, ты думал – я тоже такая...»

А, ты думал – я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенных чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

«Всё расхищено, предано, продано...»

Наталии Рыковой

Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Всё голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, —

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

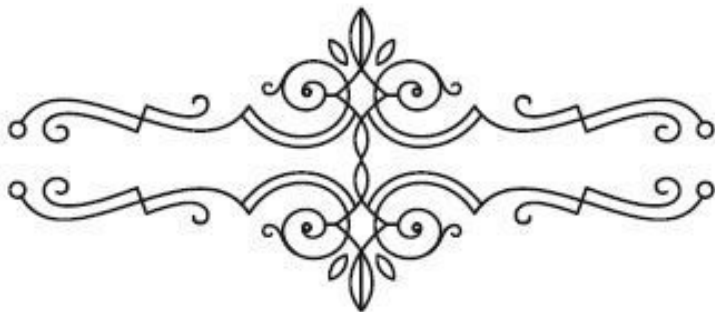
1921

«Не бывать тебе в живых...»

Не бывать тебе в живых,
Со снега не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля

1921

Константин Бальмонт

Чёлн томленья

Князю А.И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный чёлн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Чёлн томленья, чёлн тревог
Бросил берег, бьется с бурей,

Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,

Отдаваясь воле волн.

Месяц матовый взирает,

Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.

Ропщет море. Мрак растёт.

Чёлн томленья тьмой охвачен.

Буря воеет в бездне вод.

«Я мечтою ловил уходящие тени...»

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И всё выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

«Мы шли в золотистом тумане...»

Мы шли в золотистом тумане
И выйти на свет не могли,
Тонули в немом океане,
Как тонут во мгле корабли.

Нам снились видения рая,
Чужие леса и луга,
И прочь от родимого края
Иные влекли берега.

Стремясь ускользящим взглядом
К пределам безвестной земли,
Дышали с тобою мы рядом,
Но был я как будто вдали.

И лгали нам ветры и тучи,
Смеялись извивы волны,
И были так странно певучи
Беззвучные смутные сны.

И мы бесконечно тонули,
Стремясь от влаги к земле, —
И звезды печально шепнули,
Что мы утонули во мгле.

Ветер

Я жить не могу настоящим,
Я люблю беспокойные сны —
Под солнечным блеском палящим
И под влажным мерцаньем луны.
Я жить не хочу настоящим,
Я внимаю намекам струны,
Цветам и деревьям шумящим
И легендам приморской волны.
Желаньем томясь несказанным,
Я в неясном грядущем живу,
Вздыхаю в рассвете туманном
И с вечернею тучкой плыву.
И часто в восторге нежданном
Поцелуем тревожу листву.
Я в бегстве живу неустанным,
В ненасытной тревоге живу.

Равнина

Как угрюмый кошмар исполина,
Поглотивши луга и леса,
Без конца протянулась равнина
И краями ушла в небеса.

И краями пронзила пространство,
И до звезд прикоснулась вдали,
Затенив мировое убранство
Монотонной печалью земли.

И далекие звезды застыли
В беспредельности мертвых небес,
Как огни бриллиантовой пыли
На лазури предвечных завес.

И в просторе пустыни бесплодной,
Где недвижим кошмар мировой,
Только носится ветер холодный,
Шевеля пожелтевшей травой.

Декабрь 1896

Прощание

Далеко предо мною
Мерцают маяки,
Над водной пеленою,
Исполненной тоски.

Налево – пламень красный,
Направо – голубой.
Прощай, мой друг прекрасный,
Прощаюсь я с тобой.

Плыву я к голубому
Прозрачному огню.
К нему, всегда живому,
Свой дух я преклоню.

Той пристани прекрасной,
Где звон призывных струн,
Где пламень ярко-красный,
Где царствует бурун, —

Той сказке позабытой
Я горький шлю привет,
Мечте моей изжитой
В ней места больше нет.

Я жажду прорицаний
Застывшей тишины,
Серебряных мерцаний
Чуть глянувшей Луны.

Я жажду голубого
Небесного цветка,
Хочу родиться снова, —
Приди ко мне, тоска.

Тоска о жизни красной
Вне бездны голубой...
Прощай, мой друг прекрасный,
Прощаюсь я с тобой.

Безглагольность

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада, —
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье — глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

1900

Отпадения

Отпадения в мир сладострастия
Нам самую судьбой суждены.
Нам неведомо высшее счастье.
И любить и желать – мы должны.

И не любит ли жизнь настоящее?
И не светят ли звезды за мглой?
И не хочет ли солнце горящее
Сочетаться любовью с землей?

И не дышит ли влага прозрачная,
В глубину принимая лучи?
И не ждет ли земля новобрачная?
Так люби. И целуй. И молчи.

Весна 1900

«Я – изысканность русской медлительной речи...»

Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переключки лесные зеленого мая —
Всё пойму, всё возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я – изысканный стих.

Я не знаю мудрости

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что́ вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

1902

«Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...»

Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о солнце

В предсмертный час!

«Будем как солнце! Забудем о том...»

Будем как солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному —
К новому, к сильному, к доброму, к злому —
Ярко стремимся мы в сие золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотении земном!
Будем, как солнце всегда молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и всё золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижимном покое,
Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как солнце, оно — молодое.
В этом завет красоты!

«Я ласкал ее долго, ласкал до утра...»

Я ласкал ее долго, ласкал до утра,
Целовал ее губы и плечи.
И она наконец прошептала: «Пора!
Мой желанный, прощай же – до встречи».

И часы пронеслись. Я стоял у волны.
В ней качалась русалка нагая.
Но не бледная дева вчерашней луны,
Но не та, но не та, а другая.

И ее оттолкнув, я упал на песок,
А русалка, со смехом во взоре,
Вдруг запела: «Простор полноводный глубок.
Много дев, много раковин в море.

Тот, кто слышал напев первозданной волны,
Вечно полон мечтаний безбрежных.
Мы – с глубокого дна, и у той глубины
Много дев, много раковин нежных».

«Она отдалась без упрека...»

Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов.
– Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала.
– Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
– Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

Хочу

Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!

Хочу я зная атласной груди,
Мы два желанья в одно сольем.
Уйдите, боги! Уйдите, люди!
Мне сладко с нею побыть вдвоем!

Пусть будет завтра и мрак и холод,
Сегодня сердце отдам лучу.
Я буду счастлив! Я буду молод!
Я буду дерзок! Я так хочу!

1903

«Я ненавижу человечество...»

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество —
Моя пустынная душа.

С людьми скучаю до чрезмерности,
Одно и то же вижу в них.
Желаю случая, неверности,
Влюблен в движение и в стих.

О, как люблю, люблю случайности,
Внезапно взятый поцелуй,
И весь восторг – до сладкой крайности,
И стих, в котором пенье струй.

1903

Бог и дьявол

Я люблю тебя, дьявол, я люблю Тебя, Бог,
Одному – мои стоны, и другому – мой вздох.
Одному – мои крики, а другому – мечты,
Но вы оба велики, вы восторг Красоты.

Я как туча блуждаю, много красок вокруг,
То на Север иду я, то откинусь на Юг,
То далеко, с Востока, поплыву на Закат,
И пылают рубины, и чернеет агат.

О, как радостно жить мне, я лелею поля,
Под дождем моим свежим зеленеет Земля,
И змеиностью молний и раскатом громов
Много снов я разрушил, много сжег я домов.

В доме тесно и душно, и минутны все сны,
Но свободно-воздушна эта ширь вышины,
После долгих мучений как пленителен вздох,
О, таинственный дьявол, о, единственный Бог!

Красота

Красота создается из восторга и боли,
Из желания и воли и тяжелых цепей.
Всё, что хочешь, замкнешь ты в очертания доли,
Красоту ли с грозой или тишь серых дней.

Если хочешь покоя, не заглядывай в бездны,
Не ищи и не думай, правда ль жизнь или ложь.
Но мечты твои будут беспланетны, беззвездны,
В бескометное небо ты навеки уйдешь.

О, горячее сердце, что ж возьмешь ты как долю,
Полнозвучность ли грома и сверкающий свет,
Или радость быть дома и уют и неволю?
Нет, твой дом изначальный – где рожденье комет.

Ты равно полюбило двух враждебных неравных,
И виденья покоя отодвинулись прочь.
Ты богов уравнило в двух мирах полноправных,
Приходите же, грозы, и колдуй мне, о, Ночь.

Наколдуй свои чары, но развейся с рассветом:
Если будешь чрезмерной, я себе изменю,
Всё, что к сердцу подходит, я встречаю ответом,
И мне сладко отдаться золотистому Дню.

Ночной дождь

Я слушал дождь. Он перепевом звучным
Стучал во тьме о крышу и балкон,
И был всю ночь он духом неотлучным
С моей душой, не уходившей в сон.

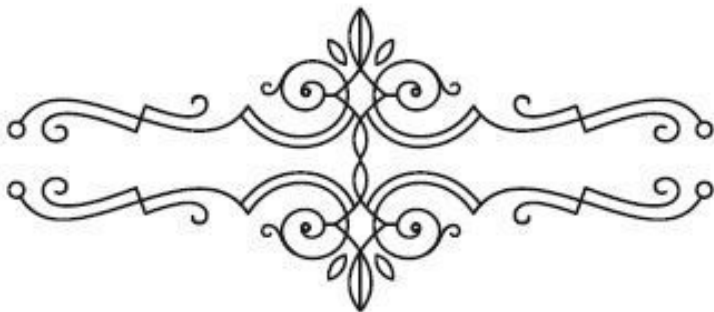
Я вспоминал. Младенческие годы.
Деревня, где родился я и рос.
Мой старый сад. Речонки малой воды.
В огнях цветов береговой откос.

Я вспоминал. То первое свиданье.
Березовая роща. Ночь. Июнь.
Она пришла. Но страсть была страданье.
И страсть ушла, как отлетевший лунь.

Я вспоминал. Мой праздник сердца новый.
Еще, еще – улыбки губ и глаз.
С светловолосой, с нежной, с чернобровой
Волна любви и звездный пересказ.

Я вспоминал невозвратимость счастья,
К которому дороги больше нет.
А дождь стучал – и в музыке ненастья
Слагал на крыше мерный менуэт.

Андрей Белый

Жертва вечерняя

Стоял я дураком
в венце своем огнистом,
в хитоне золотом,
скрепленном аметистом, —
один, один, как столб,
в пустынях удаленных, —
и ждал народных толп
коленопреклоненных...
Я долго, тщетно ждал,
в мечту свою влюбленный...

На западе сиял,
смарагдом окаймленный,
мне палевый привет
потухшей чайной розы.
На мой зажженный свет
пришли степные козы.
На мой призыв завыл
вдали трусливый ша'кал...
Я светоч уронил
и горестно заплакал:
«Будь проклят, Вельзевул —
лукавый соблазнитель, —
не ты ли мне шепнул,
что новый я Спаситель?..
О проклят, проклят будь!..
Никто меня не слышит...»
Чахоточная грудь
так судорожно дышит.
На западе горит
смарагд бледно-зеленый...
На мраморе ланит
пунцовые пионы...
Как сорванная цепь
жемчужин, льются слезы...

Помчались быстро в степь
испуганные козы.

Серебряный Колодезь. Август 1903

Солнце

Автору «Будем как Солнце»

Солнцем сердце зажжено.
Солнце – к вечному стремительность.
Солнце – вечное окно
в золотую ослепительность.

Роза в золоте кудрей,
роза нежно колыхается.
В розах золото лучей
красным жаром разливается.

В сердце бедном много зла
сожжено и перемолото.
Наши души – зеркала,
отражающие золото.

Серебряный Колодезь. 1903

Последнее свидание

Она улыбнулась, а иглы мучительных терний
ей голову сжали горячим, колючим венцом —
сквозь боль улыбнулась, в эфир отлетая вечерний...
Сидит – улыбнулась бескровно-туманным лицом.

Вдали – бирюзовость... А ветер тоскующий гонит
листы потускневшие в медленно гаснущий час.
Жених побледнел. В фиолетовом трауре тонет,
с невесты не сводит осенних, задумчивых глаз.

Над ними струятся пространства, лазурны и чисты.
Тихонько ей шепчет: «Моя дорогая, усни...
Закатится время. Промчатся, как лист золотистый,
последние в мире, безвременьем смытые, дни».

Склонился – и в воздухе ясном звучат поцелуи.
Она улыбнулась, закрыла глаза, чуть дыша.
Над ними лазурней сверкнули последние струи,
над ними помчались последние листья, шурша.

Серебряный Колодезь. 1903

Воспоминание

Посвящается Л.Д. Блок

Задумчивый вид:
сквозь ветви сирени
сухая известка блестит
запущенных барских строений.

Всё те же стоят у ворот
чугунные тумбы.
И нынешний год
всё так же разбитые клумбы.

На старом балкончике хмель
по ветру качается сонный,
да шмель
жужжит у колонны.

Весна.
На кресле протертом из ситца
старушка глядит из окна.
Ей молодость снится.

Всё помнит себя молодой —
как цветиком ясным, лилейным
гуляла весной

вся в белом, в кисейном.

Он шел позади,
шепча комплименты.
Пылали в груди
ея сантименты.

Садилась, стыдясь,
она вон за те клавикорды.
Ей в очи, смеясь,
глядел он, счастливый и гордый.

Зарей потянуло в окно.
Вздохнула старушка:
«Всё это уж было давно!...»
Стенная кукушка,

хрипя,
кричала.
А время, грустя,
над домом бежало, бежало...

Задумчивый хмель
качался, как сонный,
да бархатный шмель
жужжал у колонны.

Москва. 1903

Шоссе

Д.В. Философову

За мною грохочущий город
На склоне палящего дня.
Уж ветер в расстегнутый ворот
Прохладой целует меня.

В пространство бежит – убегает
Далекая лента шоссе.
Лишь перепел серый мелькает,
Взлетая, ныряя в овсе.

Рассыпались по полю галки.
В деревне блеснул огонек.
Иду. За плечами на палке
Дорожный висит узелок.

Слагаются темные тени
В узоры промчавшихся дней.
Сижу. Обнимаю колени
На груде дорожных камней.

Сплетается сумрак крылатый
В одно роковое кольцо.
Уставился столб полосатый

Мне цифрой упорной в лицо.

Ефремов. Август 1904

Изгнанник

М.И. Сизову

Покинув город, мглой объятый,
Пугаюсь шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.

Там я года твердил о вечном —
В меня бросали вы камнями.
Вы в иступленьи скоротечном
Моими тешились мученьями.

Я покидаю вас, изгнанник, —
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу – согбенный, бледный странник —
Меж золотистых, хлебных пажитей.

Бегу во ржи, межой, по кочкам —
Необозримыми равнинами.
Перед лазурным василечком
Ударюсь в землю я сдинами.

Меня коснись ты, цветок нежный.
Кропи, кропи росой хрустальною!
Я отдохну душой мятежной,

Моей душой многострадальною.

Заката теплятся стыдливо
Жемчужно-розовые полосы.
И ветерок взовьет лениво
Мои серебряные волосы.

Москва. Июнь 1904

Отпевание

Лежу в цветах онемелых,
Пунцовых, —
В гиацинтах розовых и лиловых,
И белых.

Без слов
Вознес мой друг —

Меж искристых блесток
Парчи —

Малиновый пук
Цветов —

В жестокий блеск
Свечи.

Приходите, гости и гости, —
Прошепчите: «О Боже»,
Оставляя в прихожей
Зонты и трости:
Вот – мои кости...

Чтоб услышать мне смех истерический, —
Возложите венок металлический!

Отпевание, рыдания
В сквозных, в янтарных лучах:

До свидания —
В местах,
Где нет ни болезни, ни воздыхания!
Дьякон крикнул,
Кадилом звякнул:

«Упокой, Господи, душу усопшего раба
твоего...»

Вокруг —
Невеста, любовница, друг
И цветов малиновый пук,

А со мной – никого,
Ничего.

Сквозь горсти цветов онемелых,
Пунцовых —
Савана лопасти —
Из гиацинтов лиловых
И белых —
Плещут в загробные пропасти.

Серебряный Колодезь. 1906

Утро

Рой отблесков. Утро: опять я свободен и волен.
Открой занавески: в алмазах, в огне, в янтаре
Кресты колоколен. Я болен? О нет – я не болен.
Воздетые руки горé на одре – в серебре.
Там в пурпуре зори, там бури – и в пурпуре бури.

Внемлите, ловите: воскрес я – глядите: воскрес.
Мой гроб уплывает – золотой в золотые лазури.
Поймали, свалили; на лоб положили компресс.

Париж, 1907

Друзьям

Н.И. Петровской

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Не смейтесь над мертвым поэтом:
Снесите ему цветок.
На кресте и зимой и летом
Мой фарфоровый бьется венок.

Цветы на нем побиты.
Образок полинял.
Тяжелые плиты.
Жду, чтоб их кто-нибудь снял.

Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, больно!
Я не виноват.
Пожалейте, придите;
Навстречу венком метнусь.
О, любите меня, полюбите —
Я, быть может, не умер, быть может, проснусь —

Вернусь!

Париж. Январь 1907

Обет

Ты шепчешь вновь: «Зачем, зачем он
Тревожит память мертвых дней?»
В порфире легкой, легкий демон,
Я набегаю из теней.

Ты видишь — мантия ночная
Пространством ниспадает с плеч.
Рука моя, рука сквозная,
Приподняла кометный меч.

Тебе срываю месяц — чашу,
Холодный блеск устами пей...
Уносимся в обитель нашу
Эфиром плещущих степей.

Не укрывай смущенных взоров.
Смотри — необозримый мир.
Дожди летящих метеоров,
Перерезающих эфир.

Протянут огневые струны
На лире, брошенной в миры.
Коснись ее рукою юной:
И звезды от твоей игры —

Рассыплются дождем симфоний
В пространствах горестных, земных:
Там вспыхнет луч на небосклоне
От тел, летящих в ночь, сквозных.

Москва. Июль 1907

Отчаянье

З.Н. Гиппиус

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —

Туда, на равнине горбатой, —
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи

Безумных твоих кабаков, —
Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Серебряный Колодезь. 1908

Русь

Поля моей скудной земли
Вон там преисполнены скорби.
Холмами пространства вдали
Изгорби, равнина, изгорби!

Косматый, далекий дымок.
Косматые в далях деревни.
Туманов косматый поток.
Просторы голодных губерний.

Просторов простертая рать:
В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?

От голода, холода тут
И мерли, и мрут миллионы.
Покойников ждали и ждут
Пологие скорбные склоны.

Там Смерть протрубила вдали
В леса, города и деревни,
В поля моей скудной земли,
В просторы голодных губерний.

Серебряный Колодезь. 1908

Родина

В.П. Свентицкому

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;

И в раздолье, на воле — неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля —
Посылает нам крик: «Умирай —

Как и все умирают...» Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз, —
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,

Кто же так подшутил над тобой?

Москва. 1908

На рельсах

Кублицкой-Пиоттух

Вот ночь своей грудью прильнула
К семье облетевших кустов.
Во мраке ночном утонула
Там сеть телеграфных столбов.

Застыла холодная лужа
В размытых краях колеи.
Целует октябрьская стужа
Обмерзшие пальцы мои.

Привязанность, молодость, дружба
Промчались: развеялись сном.
Один. Многолетняя служба
Мне душу сдавила ярмом.

Ужели я в жалобах слезных
Ненужный свой век провлачу?
Улегся на рельсах железных,
Затих: притаился – молчу.

Зажмурил глаза, но слезою —
Слезой увлажнился мой взор.
И вижу: зеленой иглою

Пространство сечет семафор.

Блеснул огонек, еле зримый,

Протяжно гудит паровоз.

Взлетают косматые дымы

Над купами чахлых берез.

Москва. 1908

Тела

На нас тела, как клочья песни спетой...

В небытие

Свисает где-то мертвенной планетой

Всё существо мое.

В слепых очах, в глухорожденном слухе —

Кричат тела.

Беспламенные, каменные духи!

Беспламенная мгла!

Зачем простер на тверди оледелой

Свои огни

Разбитый дух – в разорванное тело,

В бессмысленные дни!

Зачем, за что в гнетущей, грозной гари,

В растущий гром

Мы – мертвенные, мертвенные твари —

Безжертвенно бредем?

Москва. Декабрь 1916

Родине

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, —
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, —
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда – в ураганы огней.
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе – и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро, —
Кипи фосфорически-бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

Поворовка. Август 1917

«Я»

В себе, – собой объятый
(Как мглой небытия), —
В себе самом разъятый,
Светлею светом «Я».

В огромном темном мире
Моя рука растет;
В бессолнечные шири
Я солнечно простерт, —

И зрею, зрею зовом
«Воистину воскрес» —
В просвете бирюзовом
Яснеющих небес.

Березы в вешнем лесе,
Росея в серебре, —
Провеяли «воскресе»
На розовой заре...

«Я» – это Ты, Грядущий
Из дней во мне – ко мне —
В раскинутые кущи
Над «Ты Еси на не-бе-си!».

Дедово. Декабрь 1917

У т р о

(и-е-а-о-у))

Над долиной мгlistой в выси синей
Чистый-чистый серебристый иней.

Над долиной, – как изливы лилий,
Как изливы лебединых крылий.

Зеленеют земли перелеском;
Снежный месяц бледным, летним блеском, —

В нежном небе нехотя юнеет,
Хрусталея, небо зеленеет.

Вставших глав блистающая стая
Остывает, в дали улета...

Синева ночная, – там, над нами,
Синева ночная давит снами!

Молниями, как золотом, в болото
Бросит очи огненные кто-то.

Золотом хохочущие очи!
Молотом грохочущие ночи!

Заликует, – все из перламутра, —
Бурное, лазуревое утро:

Потекут в излучине летучей
Пурпуром предутренние тучи.

1917

Младенцу

Играй, безумное дитя,
Блистай летающей стихией:
Вольнолюбивым светом «Я»,
Явись, осуществишь, – Россия.

Ждем: гробовая пелена
Падет мелькающими мглами;
Уже Небесная Жена
Нежней звездует глубинами, —

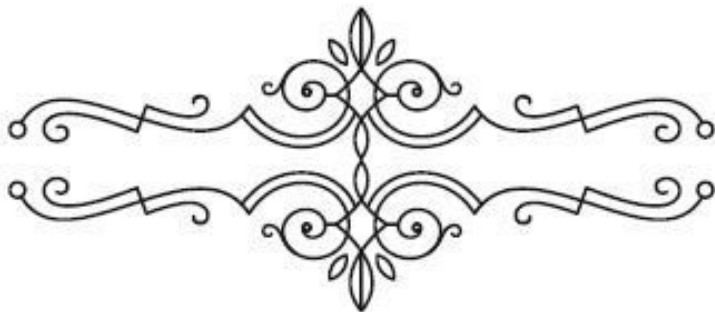
И, оперяясь из весны,
В лазури льются иерархии;
Из легких крыльев лик Жены
Смеется радостной России.

Москва. Март 1918

«Июльский день: сверкает строго...»

Июльский день: сверкает строго
Неовлажненная земля.
Неперерывная дорога.
Неперерывные поля.
А пыльный, полудневный пламень
Немою глыбой голубой
Упал на грудь, как мутный камень,
Непререкаемой судьбой.
Недаром исструились доли,
И облака сложились в высь.
И капель теплой и тяжелой,
Заговорив, оборвались.
С неизъяснимостью бездонной
Молочный, ломкий, молодой,
Дробим волною темнолонной,
Играет месяц над водой.
Недостигаемого бега
Недостигаемой волны
Неописуемая нега
Неизъяснимой глубины.

Александр Блок

«Небесное умом не измеримо...»

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.

И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица – спокойная мечта.

Она сошла на землю не впервые,
Но вокруг нее толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск ее глубоких глаз...

С. Шахматово. 29 мая 1901

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»

*И тяжкий сон житейского сознания
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.*

Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появление,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

С. Шахматово. 4 июня 1901

«Его встречали повсюду...»

Его встречали повсюду
На улицах в сонные дни.
Он шел и нес свое чудо,
Спотыкаясь в морозной тени.

Входил в свою тихую келью,
Зажигал последний свет,
Ставил лампаду веселью
И пышный лилий букет.

Ему дивились со смехом,
Говорили, что он чудак.
Он думал о шубке с мехом
И опять скрывался во мрак.

Однажды его проводили,
Он весел и счастлив был,
А утром в гроб уложили,
И священник тихо служил.

Октябрь 1902

«Дома растут, как желанья...»

Дома растут, как желанья,
Но взгляни внезапно назад:
Там, где было белое зданье,
Увидишь ты черный смрад.

Так все вещи меняют место,
Неприметно уходят ввысь.
Ты, Орфей, потерял невесту, —
Кто шепнул тебе: «Оглянись...»?

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.
И всплывет, качнется над телом
Благовонный, речной цветок.

5 ноября 1902

«Полюби эту вечность болот...»

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот злак, что сгорел, — не умрет.
Этот куст — без нетления — тощ.

Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они, —
Ты пред Вечностью полон измен.

Одинокая участь светла.
Безначальная доля свята.
Это Вечность Сама снизошла
И навеки замкнула уста.

3 июня 1905

«Девушка пела в церковном хоре...»

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

Перстень – страданье

Шел я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь,
Бледным лучом упала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась прочь.

Горькие думы – лохмотья печалей —
Нагло просили на чай, на ночлег,
И пропадали средь уличных далей,
За вереницей зловонных телег.

Господи Боже! Уж утро клубится,
Где да и как этот день проживу?..
Узкие окна. За ними – девица.
Тонкие пальцы легли на канву.

Локоны пали на нежные ткани —
Верно, работала ночь напролет...
Щеки бледны от бессонных мечтаний,
И замирающий голос поет:

«Что я сумела, когда полюбила?
Бросила мать и ушла от отца...
Вот я с тобою, мой милый, мой милый...
Перстень-Страданье нам свяжет сердца.

Что́ я могу? Своей алой кровью
Нежность мою для тебя украшать...
Верностью женской, вечной любовью
Перстень-Страданье тебе сковать».

30 октября 1905

Друзьям

Молчите. проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главу преклонить!

Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума,
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля – так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

На островах

Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой – с пленной – с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Все только продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

«Не спят, не помнят, не торгуют...»

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданием
Трезвонят до потери сил...

Над мировой чепухой;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховой,
В которой ты была в ту ночь.

Ревель. 1909; 1911

Поэты

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, – и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и прямо,
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленились со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно,
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть – хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой.
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Сусальный ангел

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он – немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла,
Хозяйка ищет – нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Создания хрупкие мечты.
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что́ в вас толку?
Пусть лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка-душа...

1909

«В неуверенном, зыбком полете...»

В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить Творца?

В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце – и винт.

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..»

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты —
Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?

Вольным играешься духом моим?

1910

Унижение

В черных сучьях деревьев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком.)

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука подлеца нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот – дом в самом деле?
Разве так суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве это мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел – твой свист замогильный...
Чу! Опять – бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашной!
Я – не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце – острый французский каблук!

«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...»

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.

И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится, – снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне – колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от края до края,
И окошко твое.

Этот голос – он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне, твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

«Рожденные в года глухие...»

З.Н. Гиппиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914

Пушкинскому дому

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке.

Это древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

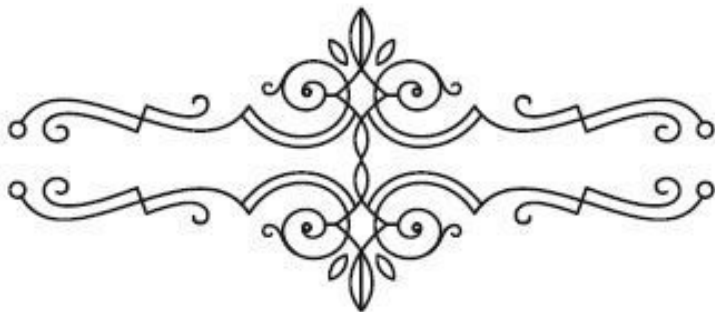
Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

5 февраля 1921

Константин Большаков

Несколько слов к моей памяти

Я свой пиджак повесил на луну.
По небу звезд струят мои подошвы,
И след их окунулся в тишину.
В тень резкую. Тогда шептали ложь вы?

Я с давних пор мечтательно плевал
Надгрезному полету в розы сердца,
И губ моих рубинящий коралл
Вас покорял в цвету мечты вертеться.

Не страшно вам, не может страшно вам
Быть там, где вянет сад мечты вчерашней,
И наклоняются к алмазящим словам
Ее грудей мечтательные башни,
Ее грудей заутренние башни.

И вечер кружево исткал словам,
И вечер острие тоски нащупал,
Я в этот миг вошел, как в древний храм,
Как на вокзал под стекло-синий купол.

1913

Посвящение

По тротуару сердца на тротуары улицы,
В тую томленья прошедшим вам
Над сенью вечера, стихая над стихов амурницей,
Серп – золоченым словам.
Впетличив в сердце гвоздичной крови,
Синеозерит усталым взором бульвар.
Всем, кого солнце томленьем в постели ловит,
Фрукт изрубинит вазный пожар.
И, вам, о, единственная, мои стихи приготовлены —
Метр д'отель, улыбающий равнодушную люстру,
Разве может заранее ужин условленный
Сымпровизировать в улыбаться искусство,
Чтоб взоры были, скользя коленей, о, нет, не близки,
А вы, как вечер, были ласковая.
Для вас, о, единственная, духи души разбрызгал,
Когда вы роняли улыбки, перчатку с сердца стаскивая.

«Милостивые Государи, сердце разрежьте...»

Милостивые Государи, сердце разрежьте —
Я не скажу ничего,
Чтобы быть таким, как был прежде,
Чтоб душа ходила в штатской одежде
И, раздевшись, танцевала танго.

Я не скажу ничего,
Если вы бросите сердце, прощупав,
На тротуарное зеркало-камень,
Выбреете голову у сегодня-трупа,
А завтра едва ли зайдет за вами.

Милостивые Государи, в штатском костюме
Заставьте душу ходить на прогулки,
Чтобы целовала в вечернем шуме
Слепое небо в слепом переулке.
Сердца, из-под сардинок пустые коробки,
Свесьте, отправляясь на бульвары,
Волочить вуаль желаний, втыкать взорные пробки
В небесный полог дырявый и старый,
В прозвездные плюньте заплатки.
Хотите ли, чтоб перед вами
Жонглировали словами?

На том же самом бульваре
В таксомоторе сегодня ваши догадки
Бесплатно катаю, Милостивые Государи.

Октябрь 1913 г. Москва

Осень годов

Иду сухой, как старинная алгебра,
В гостиной осени, как молочный плафон,
Блудливое солнце на палки бра,
Не электричащих, надевает сиянье, треща в немой телефон.

И осыпаются мысли усталого провода,
Задумчивым звоном целуют огни.
А моих волос бесценное серебро водой
Седой обливают хилые дни.

Хило прокашляли шаги ушедшего шума,
А я иду и иду в венке жестоких секунд.
Понимаете? Довольно видеть вечер в позе только негра-
гума,
Слишком черного, чтоб было видно, как утапывается
земной грунт.

Пóтом времени исщупанный, может, еще не совсем
достаточно,
Еще не совсем рассыпавшийся и последний.
Не кажусь ли вам старик – паяцем святочным,
Богаделкой, вяжущей на спицах бредни.

Я века лохмотьями солнечной задумчивости бережно

Укрывал моих любовниц в рассеянную тоску,
И вскипший воздух мне тогу из суеверий шил,
Едва прикрывающий наготу лоскут,

И, упорно споря и хлопая разбухшим глазом,
нахально качается,
Доказывая: с кем знаком и незнаком,
А я отвечаю, что я только скромная чайница,
Скромная чайница с невинно-голубым ободком.

1914

Автопортрет

Ю.А. Эгерту

Влюбленный юноша с порочно-нежным взором,
Под смокингом легко развинченный брютет,
С холодным блеском глаз, с изысканным проборм.
И с перекинутой пальто душой поэт.

Улыбки грешной грусть по томности озерам
Порочными без слез глазами глаз рассвет
Мелькнет из глаз для глаз неувовимо-скорм
На миги вспыхнувший и обреченный свет.

Развинченный брютет с изысканным проборм.
С порочными без слез глазами, глаз рассвет,
Влюбленный юноша с порочно-нежным взором
И с перекинутой пальто душой поэт.

Май 1914 г.

Полночь

Пробило полночи костлявые ребра,
Двенадцать часов перебрали скелет,
И голый череп стал бесконечно-добрым,
И в нем сквозил надушенный поэт.

А дьявол-секунда в красной маске,
Хохоча, наливала в стакан вино,
И блески брызг люстрили ласки,
Говорили шепотом о вине ином.

Вы с хохотом оттолкнули секунду,
И отвергнутый Дьявол, проваливаясь, хохотал.
Звенели и пели на каждой из струн – дам
Новые секунды, наливаясь в бокал.

Молитва любимой

Ах, не скрыть густым и грустным ресницам
Глаз, смотрящих только на одну.

Вы по жизни моей, как по книги страницам,
С тихим шелестом тихо прошли в тишину,

Вы прошли в тишину, серебристое имя,
Как неслышная поступь шагов
Богомольно несется губами моими
На алмазы кующихся строф.

Как влюбленному мальчику дороги вещи,
До которых коснулись любимой рукой,
А тоска с каждым днем неотступней и резче,
Каждый день неотступней с своею тоской.

Никогда не сказать серебристое имя,
Никогда не назвать Вас, одну,
Как по книги страницам, Вы днями моими
В неизбежную тихо прошли тишину.

Июль 1915

Осень

Михаилу Кузмину

Под небом кабаков, хрустальных скрипок в кубке
Растет и движется невидимый туман.
Берилловый ликер в оправе рюмок хрупких
Телесно розовый, раскрывшийся банан.

Дыханье нежное прозрачного бесшумья
В зеленый шепот трав и визг слепой огня,
Из тени голубой вдруг загрузившей думе,
Как робкий шепот дней, просить: «возьми меня».

Под небо кабаков старинных башен проседь
Ударом утренних вплетается часов.
Ты спишь, а я живу, и в жилах кровь проносит
Хрустальных скрипок звон из кубка головок.

25. IX. 1914

Романтический вечер

Вл. Маяковскому

Вечер был ужасно громоздок,
Едва помещался в уличном ридикюле, —
Неслышный рыцарь в усталый воздух,
Волос вечерних жужжащий улей,

Отсечь секунды идет панелям,
И медлит меч по циферблату.
Пролетая, авто грозили, — разделим, разделим...
Закован безмолвием в латы,

Закрыв забралом чудесной грусти
Лицо, неведомый один,
Как будто кто-то не пропустит,
Не скажет ласково «уйди».

Апрель 1914. Москва

И еще

В час, когда гаснет закат и к вечеру,
Будто с мольбой протянуты руки дерев,
Для меня расплескаться уж нечему
В этом ручье нерасслышанных слов.

Но ведь это же ты, чей взор ослепительно нужен,
Чтоб мой голос над жизнью был поднят,
Чья печаль, ожерелье из слезных жемчужин
На чужом и далеком сегодня.

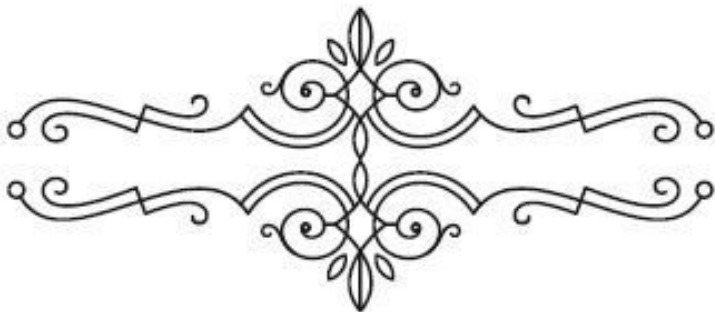
И чьи губы не будут моими
Никогда, но святей всех святынь,
Ведь твое серебристое имя
Пронизало мечты.

И не все ли равно, кому вновь загорятся
Как свеча перед образом дни.
Светлая, под этот шепот святотатца
Ты усни...

И во сне не встретишь ты меня,
Нежная и радостно тиха
Ты, закутанная в звон серебряного имени
Как в ласкающие вкрадчиво меха.

Январь 1916 г.

Валериан Бородаевский

«Над пустынными полями видится...»

Вячеславу Иванову

Над пустынными полями видится
В облачках серебристая лестница.
До меня ли Любовь унизится?
Ты ли, Крепкий, грядешь из-за месяца?

Через грудь мою руки скрещаются,
Я вступаю на путь неизведанный, —
И ступени так томно качаются

Под пятой, землистому преданной.

От низин задымились туманы,
Голубые с алыми отливами.
Чей-то смех прозвенел так странно.
Белый образ под черными ивами.

Устоишь ли, воздушная лествица?
Отойдешь ли, чудо, недостойному?
Серый зверь притаился у месяца.
В очи смотрит небесному Воину.

Скиты

Они горят еще – осколки древней Руси —
В зубах лесной глуши, в оправе сизых вод,
Где в алый час зари, распятый Иисусе,
Любовной голос Твой и плачет и зовет.

Чуть из конца в конец неизречимый клекот
Небесного Орла прорежет сонный бор,
И сосен мачтовых ответит струнный рокот
И запоем в груди разбуженных озер;

И, за свечой свеча, разверзнут очи храмы —
Кругом у алтаря, как черный ряд столпов,
Сойдутся иноки, торжественны и прямы,
Сплетать живую сеть из верных тайне слов.

Там старцы ветхие в священных гробах келий,
Где дышит ладаном и воском и смолой,
Уж видят кровь Твою, пролитую сквозь ели,
И воздвигают крест иссохшею рукой.

И в алый час зари, распятый Иисусе,
Как голос Твой томит и манит и зовет
Разрезать плен сердец – к осколкам древней Руси,
К зубцам лесной глуши, к оправе сизых вод,

К сиянью алтарей и чарованиям строгим
Стихир таинственных, чтоб сетью властных слов
Жемчужину любви привлечь к сердцам убогим
Из царства розовых и рдяных облаков.

«Вкруг колокольни обомшелой...»

Вкруг колокольни обомшелой,
Где воздух так безгрешно тих,
Летают траурные стрелы
Стрижей пронзительных и злых.

Над кровью томного заката
Склоненных ив печаль светла.
И новых стрел душе не надо:
Душа все стрелы приняла.

Стрижи ватагою победной
Дочертят вещую спираль;
И, догорая, запад бледный
Отбросит пурпурную шаль.

И будут ив безумны речи,
Как черствый ропот старика,
Когда одна стучит далече
Его дорожная клюка.

«Я пью мой долгий день, лазурный и прохладный...»

Эрнесту Кейхелю

Я пью мой долгий день, лазурный и прохладный,
Где каждый час – как дар и каждый миг – певуч;
И в сердце, трепеща, влетает рдяный луч,
Как птица райская из кущи виноградной.

Я пью мой синий день, как брагу хмелевую
Из чьих-то смуглых рук, склонивших древний жбан.
От утра до зари брожу, смятен и пьян,
И землю под ногой жалею и милую.

И тайно верится, что в струях этой влаги
Отныне и вовек душа не отцветет...
Но, тише... Меж дерев – ты слышишь? – Бог идет.
И ветви, заалев, колышятся, как стяги.

«Я не сменю на вас, возвышенные грезы...»

Я не сменю на вас, возвышенные грезы,
Мой тихий серый день,
И крик сорок, посеявших на плетень,
И бедный гул моей березы.

И по тропам спускаюсь я неспешно
К обрыву над рекой.
Парит бездумно взор над сизой чешуей,
А сердце стонет безутешно.

И этот стон, как будто извлеченный
Из гулких тростников,
Растет, подымлется, – как небо однотонный,
Как полог серых облаков...

Падающая башня

Точно в платье подвенечном тонкий стан ты преклонила;
Или вправду ты – невеста, золотая кампанила?
В кружевах окаменелых, в многоярусных колоннах,
В этом небе густо-синем ты мечта для глаз влюбленных!
И когда спиралью шаткой я всходил, и сердце ныло,
Близко билось чье-то сердце – не твое ли, кампанила?
В бездну падали колонны, и над сизыми холмами
Облака сплывались в цепи и кружились вместе с нами.
И я думал: там за далью целый мир пройдешь
безбрежный, —
Чуда равного не встретишь этой девственнице нежной!
И я думал: чары знаешь, а напрасно ворожила:
Будешь ждать его веками, не дождешься, кампанила!

Ковыль

Где только плуг пройдет, ковыль, волшебство степи,
Развеется, как серебристый дым;
И дикая страна немых великолепий
Отступит вглубь, за пастырем своим.

С печальным рокотом встревоженные волны,
За валом вал, спеша, прольют гурты;
Верблюдов проплывут чудовищные челны,
Качая рыжекосмые хребты.

И косяки коней сомкнет гортанным кликом,
Арапником над головой свистя,
Широкоскулый всадник с медным ликом,
Родных степей любимое дитя.

За пыльным облаком, без дум и без желаний,
Исчезнет, как непонятая быль;
И, уходя, свернет ковры бесценных тканей, —
Жемчужный и серебряный ковыль.

Тучи

Есть тучи бурые, как стая злых гиен,
Косматых, мстительных и никогда не сытых,
С промозглым холодом струящих гробный тлен
Своих дыханий ядовитых.

Оне приходят в дни грозой чреватых лет,
Когда разгул стихий так хмелен и беспечен,
И ливень, брошенный для варварских побед,
Поникшими полями встречен.

Оне приходят к нам, когда, в закатный миг,
Лиловый тусклый диск из щели косо глянет
И в лужи кровь прольет, презрителен и дик,
И в бездну дымчатую канет.

Тогда-то, с севера, на пепельный покров
Нежданно ринется, друг друга обгоняя,
Ватага желтая с оскалом злых клыков,
На бой развернутая стая...

В торговой слободе, по суетным делам,
Тоскующий, я жил, сжигая дни за днями;
Средь жадных прасолов трактирных слушал,
Смеясь за водкой и груздями.

Касанья цепких рук, делецкий разговор,
Развинченный орган и этот дым зловонный,
Весь кем-то для меня придуманный позор, —
Я нес, холодный, непреклонный.

А вечером глядел сквозь потное окно
На небо сизое, на жидкий луч закатный,
На скачку бурых туч, и было мне дано
Раскрыть их символ непонятный.

Оне бегут туда, где бурно зло прошло,
Где все ненастьями убито или смято, —
Гиены жадные, – и правят ремесло,
Им предназначенное, – свято.

«Порвался мертвый полог забытья...»

Порвался мертвый полог забытья:
Внезапный ужас сердце ускоряет.
Виски стучат... – Зачем я здесь? Кто – я?
И чья игра из бездны забытья

Меж этих стен, как кость, меня бросает?
С игровой костью сопряженный дух
Восстал, дивясь... И были непривычны
Тень головы, руки и светлый круг

На потолке. И чуждо резал слух
Гудящий бой часов, как зов иноязычный.
Да, – я летел... Я пережил позор...
Рука у сердца, ослепленный взор,

И стыд пылал, как факел, на ланитах.
Склоню колена... Мягче – на ковер.
И глажу перья крыл моих разбитых.
А там?.. Бессилен мозг. Душа молчит.

Разбились, выпали божественные звенья.
Я перья глажу... Нет, крыло не полетит!
Лишь маятник из глубины стучит,

Да серым пеплом сыплется забвенье.

Казанская

Сонет

И вот они – кануны сельской страды.
Под липняком толчется мошकारа;
И, жарким солнцем залито, с утра
Цветет село, что маков алых гряды.
Владычице мы поклониться рады,
А колокол гудит: пора! пора!
Но смутен лик под ризой серебра
И красными миганьями лампады.

А вечером, при трепете зарниц,
Тревожны взлеты диких, вольных птиц
Над слабо плещущей, заросшей речкой;
И в полумрак малейшей между хат
Заглянешь Ты, – где, возлюбя, почтят
Смиренную копеечную свечкой.

Эпилог

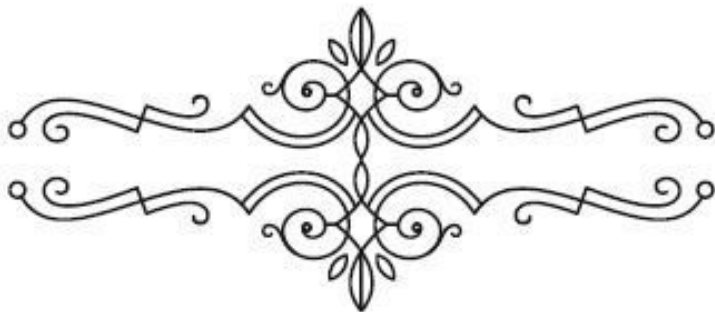
По улицам извилистым, как расщелины скал,
Как узкие расщелины, жилища горных фей,
Ночами полнозвездными один я блуждал
Среди домов торжественных, где не было людей.

Казалось, то не улица, а волшебницы нить;
Казалось, по-над плитами, светясь, бежит клубок.
И было мне так счастливо и привольно жить,
Ночами полнозвездными вдыхая ветерок.

Змеилась нить, вела меня – уводила под уклон
Туда, где своды мшистые одели водоем.
И, как струя холодная, охватил меня сон.
И снился мне прекрасный лик, и были мы – вдвоем.

Сказала мне: «Мы в городе, где не было людей.
Здесь в ночи наши звездные, под дремный струйный гул,
Скользим мы, тени белые, с крылами лебедей.
Молись, чтобы в моих руках навеки ты уснул»...

Валерий Брюсов

«В тиши задремавшего парка...»

В тиши задремавшего парка
«Люблю» мне шепнула она.
Луна серебрилась так ярко,
Так зыбко дрожала волна.

Но миг этот не был желанным,
Мечты мои реяли прочь,
И все мне казалось обманным,
Банальным, как лунная ночь.

Сливая уста в поцелуе,
Я помнил далекие сны,
Другие сверкавшие струи,
Иное мерцанье луны.

6 августа 1893

Мечты о померкшем

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы теперь? Неужели
С венком флердоранжа, с венчальным венком,
Сплели стебельки иммортели?

Мечты о померкшем, мечты о былом.
К чему вы на брачной постели
Повисли гирляндой во мраке ночном,
Гирляндой цветов иммортели?

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы душой овладели,
К чему вы трепещете в сердце моем
На брачной веселой постели?

13 марта 1894

В прошлом

Ты не ведала слов отречения.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь, ты шла на мученья,
Обнаженной, забыла позор.

Вся полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу, —
И соломой тебя увенчали,
И клеймо наложили на лбу.

А потом, когда смели бичами
Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю» ты хотела сказать.

3 ноября 1894

Первый снег

Серебро, огни и блески, —
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.

Это – область чьей-то грезы,
Это – призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.

Воплощение мечтаний,
Жизни с грезой игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!

21 января 1895

«Свиваются бледные тени...»

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наши ступени.

Друзья! Мы спустились до края!
Стоим над разверзнutoй бездной —
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая.
Мы верили нашей дороге,
Мечтались нам отблески рая...
И вот — неподвижны — у края
Стоим мы, в стыде и тревоге.

Неверное только движенье,
Хоть шаг по заветной дороге, —
И нет ни стыда, ни тревоги,
И вечно, и вечно паденье!
Качается лестница тише,
Мерцает звезда на мгновенье,
Послышится ль голос спасенья:
Откуда — из бездны иль свыше?

18 февраля 1895

Творчество

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски²,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блёстки,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний

² Беседки (фр. *kiosque*).

На эмалевой стене.

1 марта 1895

Ночью

Дремлет Москва, словно самка спящего страуса,
Грязные крылья по темной почве раскинуты,
Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея – беззвучная, черная Яуза.

Чуешь себя в африканской пустыне на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли арабские всадники?
Нет! качая грузными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы – стервятники.

Падали запах знаком крылатым разбойникам,
Грозен голос гудящего с неба возмездия.
Встанешь, глядишь... а они всё кружат над покойником,
В небе ж тропическом ярко сверкают созвездия.

20 июня 1895

В будущем

Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.

Где-то там, на какой-то планете,
Без надежды томилася ты,
И ко мне через много столетий
Долетели больные мечты.

Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слилися на миг.

9 августа 1895

Подруги

Три женщины, грязные, пьяные,
Обнявшись, идут и шатаются.
Дрожат колокольни туманные,
Кресты у церквей наклоняются.

Заслышавши речи бессвязные,
На хриплые песни похожие,
Смеются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожие.

Идут они, грязные, пьяные,
Поют свои песни, ругаются...
И горестно церкви туманные
Пред ними крестами склоняются.

27 сентября 1895

«Как царство белого снега...»

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!
Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобные чарам волхва.
А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте – неизменно
Я молюсь неземной красоте.

23 марта 1896

Юному поэту

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

«Есть что-то позорное в мощи природы...»

Есть что-то позорное в мощи природы,
Немая вражда к лучам красоты:
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты.
Пускай же грозит океан неизменный,
Пусть гордо спят ледяные хребты:
Настанет день конца для вселенной,
И вечен только мир мечты.

Крым. Июль 1896

Женщине

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!
Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

11 августа 1899

«Огни «электрических конок»...»

Огни «электрических конок»
Браздят потемневший туман,
И зов колокольчиков звонок...
Пускается в путь караван.

Там, в душную втиснут каюту,
Застывший, сроднившийся вдруг
(Друзья и враги на минуту!)
Прохожих изменчивый круг.

Беседы и облик безмолвный,
Ряды сопоставленных лиц...
О конки! вы – вольные челны
Шумящих и строгих столиц.

23 июля 1900

«Словно нездешние тени...»

Словно нездешние тени,
Стены меня обступили:
Думы былых поколений!
В городе я – как в могиле.
Здания – хищные звери
С сотней насытых утроб!
Страшны закрытые двери:
Каждая комната – гроб!

16 сентября 1900

Каждый миг

Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,
Как узнать, что в жизни, что во сне?

Этот мир двояко бесконечен,
В тайнах духа – образ мой исчез;
Но такой же тайной разум встречен,
Лишь взгляну я в тишину небес.

Каждый камень может быть чудесен,
Если жить в медлительной тюрьме;
Все слова людьми забытых песен
Светят таинством порой в уме.

Но влечет на ярый бой со всеми
К жизни, к смерти – жадная мечта!
Сладко быть на троне, в диадеме,
И лобзать покорные уста.

Мы на всех путях дойдем до чуда!
Этот мир – иного мира тень.
Эти думы внушены оттуда,
Эти строки – первая ступень.

6 сентября 1900

Работа

Здравствуй, тяжкая работа,
Плуг, лопата и кирка!
Освежают капли пота,
Ноет сладостно рука!

Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!

Я хочу изведать тайны
Жизни мудрой и простой.
Все пути необычайны,
Путь труда, как путь иной.

В час, когда устанет тело
И ночлегом будет хлев, —
Мне под кровлей закоптелой
Что приснится за напев?

Что восстанут за вопросы,
Опьянят что за слова,
В час, когда под наши косы
Ляжет влажная трава?

А когда, и в дождь и в холод,
Зазвенит кирка моя,
Буду ль верить, что я молод,
Буду ль знать, что силен я?

7 июня 1901

Каменщик

– Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

– Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

– Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

– Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

– Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

– Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.

– Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!

– Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем всё сами, молчи!

16 июля 1901

Кинжал

*Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь
свой клинок...*

М. Лермонтов

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века, загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я – отзыв вам кричу, я – песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми, – затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

1903

«Костра расторгнутая сила...»

Костра расторгнутая сила
Двух тел сожгла одну мечту,
И влага страсти погасила
Последних углей красноту.

И, опаленны и бессильны,
В объятьях тщетно мы дрожим:
Былое пламя – прах могильный,
Над нами расточенный дым.

Но знаю, искра тлеет где-то,
Как феникс воскресает страсть, —
И в новый вихрь огня и света
Нам будет сладостно упасть!

23 марта 1904

Грядущие гунны

Топчи их рай, Аттила.

Вяч. Иванов.

Где вы, грядущие гунны,

Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.

На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всем неповинны, как дети!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

И что, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?

Бесследно всё сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Осень 1904. 30 июля – 10 августа 1905

Лик медузы

Лик Медузы, лик грозящий,
Встал над далью темных дней,
Взор – кровавый, взор – горящий,
Волоса – сплетенья змей.

Это – хаос. В хаос черный
Нас влечет, как в срыв, стезя.
Спорим мы иль мы покорны,
Нам сойти с пути нельзя!

В эти дни огня и крови,
Что сольются в дикий бред,
Крик проклятий, крик злословий
Заклеймит тебя, поэт!

Но при заревах, у плахи,
На руинах всех святынь,
Славь тяжелых ломов взмахи,
Лиры гордой не покинь.

Ты, кто пел беспечность смеха
И святой покой могил,
Ты от века – в мире эхо
Всех живых, всех мощных сил.

Мир заветный, мир прекрасный
Сгибнет в бездне роковой.
Быть напевом бури властной —
Вот желанный жребий твой.

С громом близок голос музыки,
Древний хаос дружен с ней.
Здравствуй, здравствуй, лик Медузы,
Там, над далью темных дней.

Сентябрь 1905

В склепе

Ты в гробнице распростерта в миртовом венце.
Я целую лунный отблеск на твоём лице.

Сквозь решетчатые окна виден круг луны.
В ясном небе, как над нами, тайна тишины.

За тобой, у изголовья, венчик влажных роз,
На твоих глазах, как жемчуг, капли прежних слез.

Лунный луч, лаская розы, жемчуг серебрит,
Лунный свет обходит кругом мрамор старых плит.

Что́ ты видишь, что́ ты помнишь в непробудном сне?
Тени темные всё ниже клонятся ко мне.

Я пришел к тебе в гробницу через черный сад,
У дверей меня лемуры злобно сторожат.

Знаю, знаю, мне недолго быть вдвоем с тобой!
Лунный свет свершает мерно путь свой круговой.

Ты – недвижна, ты – прекрасна в миртовом венце.
Я целую свет небесный на твоём лице!

1905

Поэту

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность взойти на костер.

Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневожь
И в час беспощадных распятый
Прославь исступленную боль.

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок.

18 декабря 1907

Демон самоубийства

*И кто, в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь!*

Ф. Тютчев

Своей улыбкой, странно-длительной,
Глубокой тенью черных глаз,
Он часто, юноша пленительный,
Обворожает, скорбных, нас.

В ночном кафе, где электрический
Свет обличает и томит,
Он речью, дьявольски-логической,
Вскрывает в жизни нашей стыд.

Он в вечер одинокий – вспомните, —
Когда глухие сны томят,
Как врач искусный в нашей комнате,
Нам подает в стакане яд.

Он в темный час, когда, как оводы,
Жужжат мечты про боль и ложь,
Нам шепчет роковые доводы

И в руку всовывает нож.

Он на мосту, где воды сонные
Бьют утомленно о быки,
Вздувает мысли потаенные
Мехами злобы и тоски.

В лесу, когда мы пьяны шорохом
Листвы и запахом полян,
Шесть тонких гильз с бездымным порохом
Кладет он, молча, в барабан.

Он верный друг, он – принца датского
Твердит бессмертный монолог,
С упорностью участия братского,
Спокойно-нежен, тих и строг.

В его улыбке, странно-длительной,
В глубокой тени черных глаз
Есть омут тайны соблазнительной,
Властительно влекущей нас...

Ночь 15/16 мая 1910

«Три женщины – белая, черная, алая...»

Три женщины – белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. Зачем и когда
Вы вторглись в мечту мою? Разве немало я
Любовь восславлял в молодые года?

Сгибается алая хищной пантерой
И смотрит обманчивой чарой зрачков,
Но в силу заклятий, знакомых мне, верую:
За мной побежит на свирельный мой зов.

Проходит в надменном величии черная
И требует знаком – идти за собой.
А, строгая тень! уклоняйся, упорная,
Но мне суждено для тебя быть судьбой.

Но клонится с тихой покорностью белая,
Глаза ее – грусть, безнадежность – уста.
И странно застыла душа онемелая,
С душой онемелой безвольно слита.

Три женщины – белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. И кто-то поет,
Что нет, не довольно я плакал, что мало я

Любовь воспевал! Дни и миги – вперед!

1912

Три кумира

В этом мутном городе туманов,
В этой тусклой, безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле, —

Попирая, в гордости победной,
Ярость змея, сжатого дугой,
По граниту скачет Всадник Медный,
С царственно протянутой рукой;

А другой, с торжественным обличем,
Строгое спокойствие храня,
Упоенный силой и величьем,
Правит скоком сдержанным коня;

Третий, на коне тяжелоступном,
В землю втиснувши упор копыт,
В полусне, волненью недоступном,
Недвижимо, сжав узду, стоит.

Иступленно скачет Всадник Медный;
Но поспешно едет конь другой;
И сурово, с мощностью наследной,
Третий конник стынет над толпой, —

Три кумира в городе туманов,
Три владыки в безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле.

1 декабря 1913

«Парки бабье лепетанье...»

Парки бабье лепетанье
Жутко в чуткой тишине...
Что оно пророчит мне —
Горечь? милость? испытанье?
Темных звуков нарастанье
Смысла грозного полно.
Чу! жужжит веретено,
Вьет кудель седая пряжа...
Скоро ль нить мою с размаха
Ей обрезать суждено!

Спящей ночи трепетанье
Слуху внятно... Вся в огне,
Бредит ночь в тревожном сне.
Иль ей грезится свиданье,
С лаской острой, как страданье,
С мукой пьяной, как вино?
Все, чего мне не дано!
Ветви в томности трепещут,
Звуки страстным светом блещут,
Жгут в реке лучами дно.

Ночь! зачем глухой истомой
Ты тревожишь мой покой?
Я давно сжился с тоской.

Как бродяга в край искомый,
Я вошел в наш мир знакомый,
Память бедствий сохраняя.
В шумах суетного дня
Я брожу, с холодным взглядом,
И со мной играет рядом
Жизни мышья беготня.

Я иду в толпе, ведомый
Чьей-то гибельной рукой, —
Как же в плотный круг мирской
Входит призрак невесомый?
Знаю: как сухой соломой
Торжествует вихрь огня,
Так, сжигая и казня,
Вспыхнет в думах жажда страсти...
Ночь! ты спишь! но чарой власти
Что тревожишь ты меня?

Только русский

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жизнью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть!

Мы пугаем. Да, мы – дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

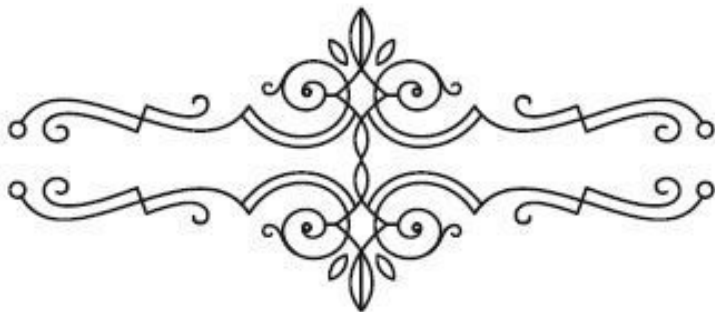
Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь – простор надежде,
В нем – свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневный
Шум ее, и гул, и гам, —
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

Иван Бунин

«Ту звезду, что качалася в темной воде...»

Ту звезду, что качалася в темной воде
Под кривою ракитой в загloxшем саду, —
Огонек, до рассвета мерцавший в пруде,
Я теперь в небесах никогда не найду.

В то селенье, где шли молодые года,
В старый дом, где я первые песни слагал,
Где я счастья и радости в юности ждал,

Я теперь не вернусь никогда, никогда.

1891

В поезде

Все шире вольные поля
Проходят мимо нас кругами;
И хутора и тополя
Плывут, скрываясь за полями.

Вот под горою скит святой
В бору белеет за лугами...
Вот мост железный над рекой
Промчался с грохотом под нами...

А вот и лес! И гул идет
Под стук колес в лесу зеленом,
Берез веселых хоровод,
Шумя, встречает нас поклоном.

От паровоза белый дым,
Как хлопья ваты, расплзаясь,
Плывет, цепляется по ним,
К земле беспомощно склоняясь...

Но уж опять кусты пошли,
Опять деревьев строй редееет,
И бесконечная вдали
Степь развернулась и синееет,

Опять привольные поля
Проходят мимо нас кругами,
И хутора и тополя
Плывут, скрываясь за полями.

1893

«Могилы, ветряки, дороги и курганы...»

Могилы, ветряки, дороги и курганы —
Все смерклось, отошло и скрылося из глаз.
За дальней их чертой погас закат румяный,
Но точно ждет чего вечерний тихий час.

И вот идет она, Степная Ночь, с востока...
За нею синий мрак над нивами встает...
На меркнувший закат, грустна и одинока,
Она задумчиво среди хлебов идет.

И медлит на межах, и слушает молчанье...
Глядит вослед зари, где в призрачной дали
Еще мерещутся колосьев очертанья
И слабо брезжит свет над сумраком земли.

И полон взор ее, загадочно-унылый,
Великой кротости и думы вековой
О том, что ведают лишь темные могилы,
Степь молчаливая да звезд узор живой.

«Что в том, что где-то, на далеком...»

Что в том, что где-то, на далеком
Морском побережье, валуны
Блестят на солнце мокрым боком
Из набегающей волны?

Не я ли сам, по чьей-то воле,
Вообразил тот край морской,
Осенний ветер, запах соли
И белых чаек шумный рой?

О, сколько их невыразимых,
Ненужных миру чувств и снов,
Душою в сладкой муке зримых, —
И что они? И чей в них зов?

«Беру твою руку и долго смотрю на нее...»

Беру твою руку и долго смотрю на нее,
Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело:
Вот в этой руке – все твое бытие,
Я всю тебя чувствую – душу и тело.
Что надо еще? Возможно ль блаженнее быть?
Но Ангел мятежный, весь буря и пламя,
Летающий над миром, чтоб смертною страстью губить,
Уж мчится над нами!

«Я к ней вошел в полночный час...»

Я к ней вошел в полночный час.
Она спала, – луна сияла
В ее окно, – и одеяла
Светился спущенный атлас.
Она лежала на спине,
Нагие раздвоивши груди, —
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь ее во сне.

1898

На распутье

На распутье в диком древнем поле
Черный ворон на кресте сидит.
Заросла бурьяном степь на воле,
И в траве заржавел старый щит.

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротишься домой.

Путь направо без коня оставит —
Побредешь один и сир и наг, —
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в неизвестных полях...»

Жутко мне! Вдали стоят могилы...
В них бывшее дремлет вечным сном...
«Отзовися, ворон чернокрылый!
Укажи мне путь в краю глухом».

Дремлет полдень. На тропах звериных
Тлеют кости в травах. Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах...
Но куда и как по ним идти?

Где равнина дикая граничит?
Кто, пугая чуткого коня,
В тишине из синей дали кличет
Человечьим голосом меня?

И один я в поле, и отважно
Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...
Черный ворон сумрачно и важно,
Полусонный, на кресте сидит.

1900

«Любил он ночи темные в шатре...»

Любил он ночи темные в шатре,
Степных кобыл заливчатое ржанье,
И перед битвой волчье завыванье,
И коршунов на сумрачном бугре.

Страсть буйной мощи сиясь утолить,
Он за врагом скакал как исступленный,
Чтоб дерзостью погони опьяненной,
Горячей кровью землю напоить.

Стрелой скиф насквозь его пробил,
И там, где смерть ему закрыла очи,
Восстал курган и темный ветер ночи
Дождем холодных слез его кропил.

Прошли века, но слава древней были
Жила в веках... Нет смерти для того,
Кто любит жизнь, и песни сохранили
Далекое наследие его.

Они поют печаль воспоминаний,
Они бессмертье прошлого поют
И жизни, отошедшей в мир преданий,
Свой братский зов и голос подают.

Смерть

Спокойно на погосте под луною...
Крестов объятая, камни и сирень...
Но вот наш склеп, – под мраморной стеною,
Как темный призрак, вытянулась тень.

И жутко мне. И мой двойник могильный
Как будто ждет чего-то при луне...
Но я иду – и тень, как раб бессильный,
Опять ползет, опять покорна мне!

1902

«Перед закатом набежало...»

Перед закатом набежало
Над лесом облако – и вдруг
На взгорье радуга упала,
И засверкало все вокруг.

Стеклянный, редкий и ядреный,
С веселым шорохом спеша,
Промчался дождь, и лес зеленый
Затих, прохладой дыша.

Вот день! Уж это не впервые:
Прольется – и уйдет из глаз...
Как эти ливни золотые,
Пугая, радовали нас!

Едва лишь добежим до чащи —
Все стихнет... О росистый куст!
О взор, счастливый и блестящий,
И холодок покорных уст!

Портрет

Погост, часовенка над склепом,
Венки, лампадки, образа́,
И в раме, перевитой крепом, —
Большие ясные глаза.

Сквозь пыль на стеклах, жарким светом
Внутри часовенка горит.
«Зачем я в склепе, в полдень, летом?» —
Незримый кто-то говорит.

Кокетливо-проста прическа,
И пелеринка на плечах...
А тут повсюду – капли воска
И банты крепа на свечах,
Венки, лампадки, пахнет тленьем...
И только этот милый взор
Глядит с веселым изумленьем
На этот погребальный вздор.

Март 1903 (?)

Мороз

Так ярко звезд горит узор,
Так ясно Млечный Путь струится,
Что занесенный снегом двор
Весь и блестит и фосфорится.

Свет серебристо-голубой,
Свет от созвездий Ориона,
Как в сказке, льется над тобой
На снег морозный с небосклона.

И фосфором дымится снег,
И видно, как мерцает нежно
Твой ледяной душистый мех,
На плечи кинутый небрежно,

Как серьги длинные блестят,
И потемневшие зеницы
С восторгом жадности глядят
Сквозь серебристые ресницы.

21 июля 1903

«Густой зеленый ельник у дороги...»

Густой зеленый ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шел олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь елку гнул и белым зубом скреб —
И много хвойных крестиков, остинок
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной,
Он красоту от смерти уносил!

Каменная баба

От зноя травы сухи и мертвы.
Степь – без границ, но даль синеет слабо.
Вот остов лошадиной головы.
Вот снова – Каменная Баба.

Как сонны эти плоские черты!
Как первобытно-грубо это тело!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мне улыбаешься несмело.

О дикое исчадье древней тьмы!
Не ты ль когда-то было громовержцем?
– Не Бог, не Бог нас создал. Это мы
Богов творили рабским сердцем.

1903–1906

Песня

Я – простая девка на баштане,
Он – рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь – с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

1903–1906

Купальщица

Смугла, ланиты побледнели,
И потемнел лучистый взгляд.
На молодом холодном теле
Струится шелковый наряд.

Залив опаловою гладью
В дали сияющей разлит.
И легкий ветер смольной прядью
Ее волос чуть шевелит.

И млеет знойно-голубое
Подобье гор – далекий Крым.
И горяча тропа на зное
По виноградникам сухим.

1906

Новый храм

По алтарям, пустым и белым,
Весенний ветер дул на нас,
И кто-то сверху капал мелом
На золотой иконостас.

И звучный гул бродил в колоннах,
Среди лесов. И по лесам
Мы шли в широких балахонах,
С кистями, в купол, к небесам.

И часто, вместе с малярами,
Там пели песни. И Христа,
Что слушал нас в веселом храме,
Мы написали неспроста.

Нам все казалось, что под эти
Простые песни вспомнит Он
Порог на солнце в Назарете,
Верстак и кубовый хитон.

Ночные цикады

Прибрежный хрящ и голые обрывы
Степных равнин луной озарены.
Хрустальный звон сливает с небом нивы.

Цветы, колосья, травы им полны,
Он ни на миг не молкнет, но не будит
Бесстрастной предрассветной тишины.

Ночь стелет тень и влажный берег студит,
Ночь тянет вдаль свой невод золотой —
И скоро блеск померкнет и убудет.

Но степь поет. Как колос налитой,
Полна душа. Земля зовет: спешите
Любить, творить, пьянить себя мечтой!

От бледных звезд, раскинутых в зените,
И до земли, где стынет лунный сон,
Текут хрустально трепетные нити.

Из сонма жизней соткан этот звон.

10 сентября 1910

Зимняя вилла

Мистраль качает ставни. Целый день
Печет дорожки солнце. Но за домом,
Где ледяная утренняя тень,
Мороз крупной лежит по водоемам.
На синеве и белый новый дом,
И белая высокая ограда
Слепят глаза. И слышится кругом
Звонящий полусонный шелест сада.

Качаясь, пальмы клонятся. Их жаль, —
Они дрожат, им холодно от блеска
Далеких гор... Проносится мистраль,
И дом белеет слишком резко.

1906–1911

Памяти

Ты мысль, ты сон. Сквозь дымную метель
Бегут кресты – раскинутые руки.
Я слушаю задумчивую ель —
Певучий звон... Все – только мысль и звуки!

То, что лежит в могиле, разве ты?
Разлуками, печалью был отмечен
Твой трудный путь. Теперь их нет. Кресты
Хранят лишь прах. Теперь ты мысль. Ты вечен.

1906–1911

Поэтесса

Большая муфта, бледная щека,
Прижатая к ней томно и любовно,
Углом колени, узкая рука...
Нервна, притворна и бескровна.

Все принца ждет, которого все нет,
Глядит с мольбою, горестно и смутно:
«Пучков, прочтите новый триолет...»
Скучна, беспола и распутна.

3 января 1916

Цирцея

На треножник богиня садится:
Бледно-рыжее золото кос,
Зелень глаз и аттический нос —
В медном зеркале все отразится.

Тонко бархатом риса покрыт
Нежный лик, розовато-телесный,
Капель нектара, влагой небесной,
Блещут серьги, скользя вдоль ланит.

И Улисс говорит: «О Цирцея!
Все прекрасно в тебе: и рука,
Что прически коснулась слегка,
И сияющий локоть, и шея!»

А богиня с улыбкой: «Улисс!
Я горжусь лишь плечами своими
Да пушком апельсинным меж ними,
По спине убегающим вниз!»

31 января 1916

Кобылица

Я снял узду, седло – и вольно
Она метнулась от меня,
А я склонился богомольно
Пред солнцем гаснущего дня.

Она взмахнула легкой гривой
И, ноздри к ветру обратив,
С тоскою нежной и счастливой
Кому-то страстный шлет призыв.

Едины Божии созданья,
Благословен создавший их
И совместивший все желанья
И все томления – в моих.

3 февраля 1916

«Настанет день – исчезну я...»

Настанет день – исчезну я,
А в этой комнате пустой
Всё то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку —
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно,
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой.

10 августа 1916

Рабыня

Странно создан человек!
Оттого что ты рабыня,
Оттого что ты без страха
Отскочила от поэта
И со смехом диск зеркальный
Поднесла к его морщинам, —
С вящей жаждой вожделенья
Смотрит он, как ты прижалась,
Вся вперед подавшись, в угол,
Как под желтым шелком остро
Встали маленькие груди,
Как сияет смуглый локоть,
Как смолисто пали кудри
Вдоль ливийского лица,
На котором черным солнцем
Светят радостно и знойно
Африканские глаза.

Москва 1919 года

Темень, холод, предрассветный
Ранний час.
Храм невзрачный, неприметный,
В узких окнах точки желтых глаз.

Опустела, оскудела паперть,
В храме тоже пустота,
Черная престол покрыла скатерь,
За завесой царские врата.

В храме стены потом плачут,
Тусклы ризы алтарей.
Нищие в лохмотья руки прячут,
Робко жмутся у дверей.

Темень, холод, буйных галок
Ранний крик.
Снежный город древен, мрачен, жалок,
Нищ и дик.

12 сентября 1919

Канарейка

На родине она зеленая...

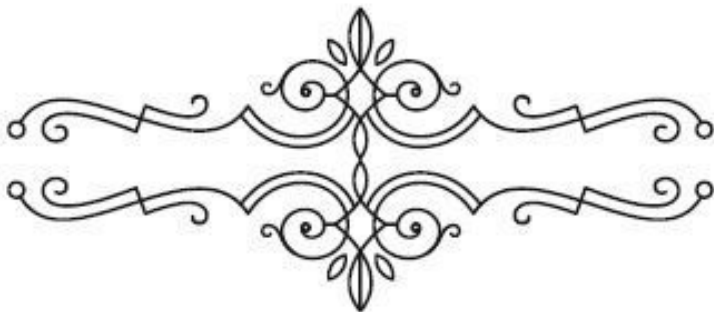
Брэм

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.

Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь – как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирную толпой!

10 мая 1921

Николай Бурлюк

«Осталось мне отнять у Бога...»

5 стр.

Осталось мне отнять у Бога,
Забутый ветром, пыльный глаз:
Сверкает ль млечная дорога
Иль небо облачный топаз, —
Равно скользит по бледным тучам
Увядший, тусклый, скучный ум.
И ранит лезвием колючим
Сухой бесстрашный ветра шум.
О ветер! похититель воли,

Дыханье тяжкое земли,
Глагол и вечности и боли
«Ничто» и «я», — ты мне внемли.

1910

«Неотходящий и несмелый...»

12. op.

Неотходящий и несмелый
Приник я к детскому жезлу.
Кругом надежд склеп вечно белый
Алтарь былой добру и злу.

Так тишина сковала душу
Слилась с последнею чертой,
Что я не строю и не рушу
Подневно миром запертой.

Живу, навеки оглушенный,
Тобой – безумный водопад
И, словно сын умалишенный,
Тебе кричу я невпопад.

Бабочки в колодце

Там, в тишине подземной глади
И сруба заплесневших бревен,
Их смерти верный путь бескровен
Тонуть во тьме ночных исчадий.
Напрасно в отраженьи звездном
Трепещут крылья непосильно
И воздымают воздух гнильный
Своим биеньем слишком поздно.
Их лижет холод неудержный
Под опрокинутым эдемом, —
Здесь безнадежность – некий демон,
Как и он, давно отвергнутый.

1913

«Ко мне вот-вот вдруг прикоснутся...»

Ко мне вот-вот вдруг прикоснутся,
Уж ветер волос шевелит,
И заклинанья раздаются
Под сводом безразличных плит.
Но я молю с кривой улыбкой
Твою изменчивую лень,
Что если бы, хотя ошибкой,
Ты на меня роняла тень
И если б твой любовник вялый,
Покорный медленным устам,
Прикрыл хотя частицей малой
Моих телес заметный гам.
Сереет сумрак подземелья,
Врагов звончее голоса,
И кроет от ночного зелья
Мой лоб кровавая роса.

Ночная смерть

Из равнодушного досуга
Прохваченный студеным вихрем
Площадку скользкую вагона
Ногою судорожною мину,
И ветви встречные деревьев,
Взнеся оснеженные лица,
Низвергнутся в поляны гнева,
Как крылья пораженной птицы.

1914

«В ущелье уличного дыма...»

В ущелье уличного дыма
Зловоний непрейденный ряд
Тобою услаженный яд
С берегов замерзшего нарыма.

Интеллигент и проходимец

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.